Криптозоолог

Башня. Том 1

Криптозоолог

Башня. Том 1

«Автор»
2026

Криптозоолог

Башня. Том 1 / Криптозоолог — «Автор», 2026

Денис Ковалёв давно перестал искать правду. Бывший журналист пишет скучные тексты для банка, а по вечерам помогает поисковикам находить пропавших. Но однажды утром Денис открывает дверь ванной и попадает в огромную каменную Башню, где у каждой двери своя загадка. Правил никто не объясняет. Город вдруг оказывается полон людей с татуировками-знаками. Кто-то рисует мелом ключи с вопросом на дверях его района, а кто-то хочет, чтобы девушка, пропавшая девять лет назад, не вернулась никогда.Чтобы выжить, Денису придётся найти нужного человека, а главное понять что вообще происходит.

© Криптозоолог, 2026
© Автор, 2026

Содержание

«Смотри на знаки» 5
Глава 1. Двор 6
Глава 2. «Смотри на знаки» 10
Глава 3. Протокол 13
Глава 4. Первая дверь 18
Глава 5. Журнал 22
Глава 6. Кто ты, дед? 26
Глава 7. Грабитель 31
Глава 8. Знаки 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Криптозоолог
Башня. Том 1

«Смотри на знаки»

Книга первая

Глава 1. Двор

Последний текст за день назывался «Семь привычек, которые помогут накопить на отпуск».

Денис дописал седьмую привычку — «откажитесь от кофе навынос» — без восьми семь, отправил редактору и допил остывший капучино из бумажного стакана. Стакан был третий за день. В отпуске Денис не был три года.

Блог банка назывался «Деньги — это просто». За два года Денис написал для него четыреста с лишним текстов: про вклады, кешбэк, финансовую подушку и про то, как объяснить ребёнку, откуда берутся деньги. Ни один из этих текстов никого не разозлил. Из-за них никого не уволили, никому не звонили по ночам, ни на кого не завели дела. Иногда Денису казалось, что платят ему именно за это.

Три года назад он писал по-другому. Тогда у него была рубрика в небольшом, но злом интернет-издании, привычка спать по пять часов и уверенность, что правда, если её как следует раскопать, сама кого-нибудь защитит. Последний его материал — о том, как в одной районной больнице списывали лекарства, — провисел на сайте четыре дня. Потом его сняли. Ольгу Петровну, старшую медсестру, которая передала Денису накладные, через месяц уволили, а через полгода дали ей условный срок. Денис ходил на заседания, сидел в последнем ряду и смотрел ей в затылок. Она ни разу не обернулась.

С тех пор он писал про кешбэк.

— Ковалёв, ты домой? — Лена из соседнего отдела уже стояла в пальто. — Мы в «Бочку» идём, у Артёма днюха.

— Не могу, — сказал Денис. — У меня созвон.

— С кем это у тебя созвоны в семь вечера? Девушка?

— Поисковики.

— А, — сказала Лена тем тоном, каким люди говорят «а» о чужом хобби, которое не укладывается ни в одну понятную им категорию. — Ну, ищи.

Он кивнул, обмотал шею шарфом и вышел.

Ноябрь в Петербурге начинается не по календарю, а в тот день, когда ты выходишь с работы — и уже ночь. В этом году он наступил как-то особенно быстро. Денис мог бы поклясться, что ещё вчера был март: он собирался съездить к морю, разобрать антресоль и наконец дочитать толстую книгу про Византию, которая с весны лежала у кровати с закладкой на сто двенадцатой странице. Март кончился, лето пролетело, как электричка мимо платформы, где она не останавливается, а книга так и лежала. Знакомые говорили, что это возраст: после тридцати годы идут быстрее.

С Карповки дул сырой ветер, пахнущий речной водой и прелой листвой. Денис вставил наушники, поднял воротник и пошёл пешком: до дома было двадцать пять минут, если идти дворами.

В наушниках щёлкнуло, и бодрый голос Серёги Зотова сказал:

— Так, все на месте? Ковалёв, ты с нами?

— С вами.

— Отлично. Значит, коротко. Бабушка с Гражданки нашлась, живая, сидела в подъезде соседнего дома, консьержка опознала по ориентировке. Всем спасибо. Ковалёв, тебе отдельное — это ты нашёл, что она в молодости жила на той же улице?

— В «Одноклассниках», — сказал Денис. — У внучки там фотография сорокалетней давности. Тот же подъезд.

— Красавчик. — В голосе Серёги слышалась улыбка. — Ладно, завтра у нас мальчик, двенадцать лет, ушёл из дома после ссоры. Карточку я скинул, утром распределимся.

Пока Серёга раздавал задачи, Денис шёл и по старой привычке считал камеры. Над входом в «Пятёрочку» — одна, смотрит на кассу и на дверь. На углу банкомат со своей, совсем слепой: объектив залеплен чем-то белым, то ли снегом, то ли жвачкой. На фасаде через дорогу — купол городской системы, повёрнутый вниз, на перекрёсток. Бессмысленное знание, оставшееся с прошлой жизни, как остаётся у бывших боксёров привычка держать подбородок опущенным. Денис давно перестал с ним бороться.

В поисковом отряде, куда он пришёл через полгода после истории с больницей, это знание неожиданно пригодилось. Там никого не нужно было разоблачать. Нужно было найти человека — сбитого с толку, заблудившегося, испуганного, иногда упрямого. По записям с камер, по отметкам в соцсетях, по тому, где пятьдесят лет назад жила бабушкина подруга. Денис работал в информационной группе: сидел дома за ноутбуком, звонил в больницы, морги и отделения полиции, сводил разрозненные кусочки в одну картинку и отправлял её тем, кто искал в лесу или на улицах. Иногда картинка оказывалась верной, и тогда люди возвращались домой.

Это была единственная работа, где его въедливость кому-то помогала.

Петроградская сторона хороша тем, что почти любой её дом можно пройти насквозь. Двор ведёт в другой двор, тот — в арку, арка — на соседнюю улицу. Денис знал эти маршруты с журналистских времён, когда две недели ходил за одним чиновником, навещавшим здесь женщину, которая не была его женой. Материал тогда не вышел. А маршруты остались.

С Большого проспекта он свернул в низкую арку, пахнущую кошками и сыростью, прошёл длинный узкий двор, где у мусорных баков спорили двое дворников, и нырнул в следующую арку. Она была длинной и тёмной, как тоннель. В конце светился прямоугольник двора-колодца с шестью этажами окон.

Серёга в наушниках как раз сказал: «Всё, ребята, всем спасибо, отбой», — и связь отключилась.

И Денис вдруг понял, что не слышит ничего.

Не просто тишины, которая бывает во дворах поздним вечером. Пропал весь город. Не было гула Большого проспекта, который на Петроградке слышен везде, как шум моря в ракушке. Не было телевизора из чьего-то окна, лая, капели с карнизов. Даже ветер, который только что тянул за шарф, исчез. Денис вынул наушник, решив, что глючит он, — но тишина осталась. Плотная, ватная, как в ушах после самолёта.

Он остановился у выхода из арки.

Двор был обычный. Шесть этажей жёлтой штукатурки, облупившейся до кирпича. Одна стена затянута строительной сеткой: в доме шёл капремонт, вдоль стены стояли леса, под ними — железные бочки и рулоны рубероида. Три фонаря на кронштейнах. Две парадные с кодовыми замками. Вторая арка напротив, такая же тёмная. Посередине — пятачок асфальта и голое дерево за низким заборчиком.

А на асфальте стояли двое.

Сначала Денис решил, что это выясняют отношения соседи. Обычная петербургская сцена: пожилой человек в длинном пальто и кепке, с холщовой сумкой у ног, и мужчина помоложе в тёмной куртке, руки в карманах. Между ними было метров десять. Они стояли неподвижно и смотрели друг на друга, как смотрят люди, которым больше нечего сказать, но и уйти нельзя.

Денис подумал, что надо пройти мимо — быстро и не глядя, как проходят мимо чужого скандала. Он даже сделал шаг.

Над старшим негромко хлопнул и погас фонарь.

Потом второй, у парадной. Потом третий. Без искр, без треска: свет просто кончился, будто его кто-то выпил. Двор провалился в полутьму, которую разбавляли только окна — жёлтые, сиреневые, голубые от телевизоров. И в этом рассеянном свете Денис увидел, что воздух между двумя людьми дрожит.

Так дрожит воздух над асфальтом в июльскую жару, когда дальний конец улицы плывёт и ломается. Только сейчас был ноябрь, плюс два, и дрожал не весь двор, а полоса между ними — узкая, как коридор. По ней, словно по воде, шла рябь. Денис смотрел, и у него слезились глаза. Мозг упорно пытался сложить картинку во что-то понятное — пар из люка, выхлоп, дым — и не мог, потому что не было ни люка, ни машины, ни дыма.

Старик чуть повернул голову, не сводя глаз с молодого, и поднял руку ладонью назад.

Дверь парадной за его спиной распахнулась.

Сама. Тяжёлая железная дверь с кодовым замком и доводчиком отлетела наружу и грохнула о стену так, что посыпалась штукатурка. Из тёмного проёма Денису в лицо ударил воздух — не холодный и не тёплый, а странный, с запахом, которого он не знал. Пыль? Старый камень? Что-то вроде церкви, в которой давно не служат.

Молодого бросило вбок. Не толкнуло — именно бросило, будто ударила невидимая волна, и он, взмахнув руками, налетел на бочки под лесами. Железо загудело, бочка покатилась. Мужчина упал на колено, выругался сквозь зубы и тяжело поднялся. Правую ногу он теперь ставил осторожно, как ставят на лёд.

Денис осознал, что держит в руке телефон. Он не помнил, как его достал. Рука сделала это сама — старая журналистская рука, которая три года не снимала ничего, кроме фотографий для карточек пропавших. Камера. Запись. Красная точка.

Экран мигнул и погас.

Он нажал кнопку. Ещё раз. Телефон, заряженный на шестьдесят процентов, был мёртв, как камень.

Молодой вынул руки из карманов.

Между его пальцами что-то потрескивало. Сначала Денис принял это за отблеск окна, но отблески не трещат. Это было похоже на сварку, которую видишь краем глаза на стройке: короткие голубые нити бегали от пальца к пальцу, становясь всё длиннее. По водосточной трубе, по металлическим лесам, по железному заборчику вокруг дерева побежали синие искры, тонкие, как волосы. Где-то наверху щёлкнуло, и погас свет в трёх окнах подряд.

Старик отступил на шаг к открытой двери. Он что-то сказал — Денис видел, как шевелятся губы, но не услышал ни звука. Молодой ответил коротко, не повышая голоса, и развёл руки в стороны.

А потом хлопнуло.

Звук пришёл не сразу, а будто с опозданием. Сначала свет — белый, плоский, на долю секунды превративший двор в фотографию. Потом удар, похожий на взрыв газового баллона. Стёкла в окнах задребезжали все разом. Денис почувствовал толчок в грудь — не болезненный, а тупой, как от слишком громкой музыки в клубе. За аркой завыла автомобильная сигнализация, за ней вторая.

И город вернулся.

Звуки обрушились все сразу: сигнализации, лай, крик из окна «Да что ж такое!», далёкий гул проспекта, капель. Ветер снова дёрнул шарф. В ушах звенело.

Старик лежал на асфальте у открытой парадной. Лежал неловко, на боку, одна рука под телом, другая откинута в сторону. Кепка откатилась. Холщовая сумка стояла там же, где и стояла, — аккуратно, будто ничего не случилось.

Молодой постоял, опустив руки. Потом пошёл к старику — медленно, хромая. Остановился над ним. Наклонился.

И тут со стороны проспекта донёсся звук, который Денис узнал бы где угодно, — полицейская сирена. Она шла не мимо, а сюда: росла, приближалась, отражаясь от стен.

Кто-то вызвал, решил Денис. Кто-то из окон или та женщина, которая кричала. Странно только, что так быстро.

Молодой выпрямился. Секунду он стоял неподвижно, будто прикидывал что-то в уме. Потом развернулся и побежал к дальней арке, сильно припадая на правую ногу. На ходу вынул из кармана телефон — его телефон, похоже, работал прекрасно — и глянул на экран.

Свет упал ему на лицо.

Длинное, узкое, с недельной щетиной. Светлые глаза. Обычное лицо — такие Денис встречал в метро тысячу раз и ни разу не запомнил. Если бы его попросили описать этого человека, он не назвал бы ни одной приметы, кроме щетины, глаз и хромоты.

Мужчина поднял взгляд от экрана и посмотрел в сторону арки, где стоял Денис.

Денис не шевелился. Он стоял в глубокой тени, в чёрном пальто, и знал по опыту, что со света в такую темноту ничего не видно. Знал — и всё равно перестал дышать. Мужчина смотрел, как ему показалось, бесконечно долго. Потом экран погас, лицо исчезло, и хромающая фигура растворилась в чёрном зеве дальней арки.

Сирена была уже совсем близко.

У Дениса было, наверное, секунд десять, чтобы решить.

Разумная часть, та, что последние три года писала про кешбэк, говорила спокойно и внятно: уходи. Ты ничего не видел. Ты шёл другой дорогой. Тебе не нужны вопросы, на которые нет ответов, протоколы, повестки, и уж точно не нужно объяснять полиции, что воздух дрожал, а у человека из пальцев сыпались молнии. Тебя примут за пьяного или за сумасшедшего, и ни то ни другое тебе не нужно.

Но была и другая часть. Та, что в информационной группе по шесть часов обзванивала больницы, потому что люди находятся живыми только тогда, когда кто-то не прошёл мимо. Она не говорила ничего. Она просто увидела, как дёрнулись пальцы на откинутой руке старика.

Денис побежал.

Асфальт был мокрым и чуть дымился. Пахло озоном, как после грозы, и ещё чем-то — палёной шерстью, горелой изоляцией. Дверь парадной так и стояла распахнутой; изнутри ещё тянуло тем странным воздухом, но слабее, а в проёме была обычная тёмная лестница, ничего больше. Денис опустился на колени рядом со стариком.

Вблизи тот оказался не таким уж старым — лет шестьдесят с небольшим. Крупный нос, седые усы, жёсткие короткие волосы. Пальто было прожжено на груди, края дыры ещё тлели. Денис машинально прихлопнул их ладонью и обжёгся.

— Эй, — сказал он. — Вы меня слышите? Сейчас приедут, слышите сирену? Сейчас будет скорая.

Он полез за телефоном, вспомнил, что тот мёртв, и всё равно нажал на кнопку. Экран загорелся. Шестьдесят процентов. Как ни в чём не бывало.

Старик открыл глаза.

Они были неожиданно ясными — светло-серыми, внимательными, совсем не мутными, как бывает у тяжело раненых. Он посмотрел на Дениса так, будто тот пришёл к нему по делу и опоздал. Потом взгляд скользнул по двору: по погасшим фонарям, по раскатившимся бочкам, по распахнутой двери. И вернулся к Денису.

— Видел? — спросил старик.

Голос был тихий, но совершенно отчётливый.

И Денис вдруг понял, что вопрос не про взрыв.

Глава 2. «Смотри на знаки»

— Видел, — сказал Денис.

Он собирался сказать совсем другое: «Что видел?», «Вы о чём?», «Лежите, не двигайтесь». Но вышло это — само, как выходит правда, когда на враньё не хватает сил.

Старик прикрыл глаза и коротко выдохнул, то ли засмеялся, то ли застонал.

— Надо же, — сказал он. — Видит.

— Не разговаривайте. — Денис стянул с шеи шарф, скомкал и прижал к прожжённой дыре на пальто. Шарф сразу потемнел. В отряде у них были курсы первой помощи, и сейчас из головы, как из ящика стола, сами собой вываливались пункты: давить на рану, держать в тепле, говорить с человеком, не давать ему уснуть. — Как вас зовут? Слышите меня? Как вас зовут?

Старик не ответил. Он смотрел мимо Дениса, на распахнутую дверь парадной, и в его взгляде было что-то странное — не страх и не боль, а досада, как у человека, который опоздал на последний автобус и видит, как тот поворачивает за угол.

Сирена ревела уже на улице, за домами. По стене арки пробежал первый синий отблеск.

Денис сунул руку в карман пальто, нащупал телефон и, не вынимая, провёл большим пальцем по экрану: разблокировка, нижний правый угол, диктофон, красная кнопка. Он делал это сотни раз — на пресс-конференциях, в судах, в курилках, где люди говорили то, чего не сказали бы под камеру. Пальцы помнили. Голова в этом не участвовала.

— Не надо скорую, — сказал старик. — Не успеют.

— Успеют. Они уже здесь, слышите?

— Слушай. — Он вдруг повернул голову и посмотрел прямо на Дениса. — Слушай, а не говори. Времени нет. Руку дай.

Денис помедлил секунду, потом протянул руку. Старик вцепился в неё с неожиданной силой — сухие жёсткие пальцы, как корни, — и прижал ладонь к ладони. Рука у него была горячей. Не тёплой, как у живого человека, а горячей, как кружка, в которую только что налили кипяток.

— Я… из Мира, — сказал старик. Он говорил медленно, отделяя слова друг от друга, будто клал их по одному на стол. — Теперь и ты тоже.

— Из какого мира? — спросил Денис. — Вы о чём? Вы бредите. У вас шок, это нормально, сейчас…

— Отдаю тебе дверь.

Жар пошёл от ладони вверх — по запястью, по предплечью, под рукавом пальто, свитера, рубашки, — и это было не похоже ни на ожог, ни на удар током. Так поднимается по трубке горячая вода в старой батарее: толчками, с каким-то внутренним гулом. Денис попытался выдернуть руку, но пальцы старика держали намертво.

— Это навык, — сказал старик. — Открой любую дверь — и пройдёшь в башню.

Жар дошёл до плеча и остановился.

И там, на левом плече, под одеждой, вспыхнула боль — короткая, резкая, будто к коже приложили раскалённый металл и тут же убрали. Денис зашипел сквозь зубы и согнулся. На секунду в глазах побелело. Двор, фонари, тело на асфальте — всё отъехало куда-то далеко, и в этой белизне Денису показалось, что он стоит в огромном пустом зале с высокими сводами, где пахнет камнем и пылью, как в церкви, в которой давно не служат. Показалось — и пропало.

Когда он открыл глаза, старик всё так же держал его за руку. Только хватка ослабла.

— Им туда было нужно, — сказал старик тихо. В голосе слышалось что-то похожее на гордость. — Я не повёл. Не повёл…

— Кому? — Денис наклонился ниже. — Тому, в куртке? Кто он? Вы его знаете?

Старик не ответил. Его взгляд снова поплыл, ушёл куда-то за плечо Дениса, вверх, к окнам. Губы шевелились.

— Подождите. — Денис сжал его руку, уже сам. — Подождите. Что мне делать? Кому им?

Старик, кажется, услышал в вопросе что-то своё.

— Как узнать других? — переспросил он, и на секунду глаза снова стали ясными. — Смотри на знаки.

— Какие знаки?

— Смотри на знаки, — повторил старик, будто Денис был нерадивым учеником, которому всё приходится объяснять дважды. Он с усилием втянул воздух. — И остерегайся…

Денис ждал продолжения.

Продолжения не было.

Старик так и остался лежать с приоткрытым ртом, будто не договорил, а только задумался, как закончить фразу. Пальцы в руке Дениса разжались. Ладонь, только что горячая, как кипяток, остывала на глазах — Денис чувствовал, как из неё уходит тепло, словно воду спустили из ванны.

— Нет, — сказал Денис. — Нет-нет-нет. Эй.

Он отбросил шарф, расстегнул на старике пальто и под ним — колючий серый свитер. Нашёл нижний край грудины, поставил ладонь на ладонь, как учили. Тридцать нажатий, два вдоха. Раз, два, три, четыре. Рёбра под руками пружинили и подавались. Где-то на двенадцатом Денис услышал хруст и подумал отстранённо, как о чужом: так бывает, это нормально, лучше сломанное ребро, чем остановившееся сердце. Девятнадцать. Двадцать.

Двор залило синим.

Сирена взвыла последний раз и смолкла, но мигалка продолжала бить по стенам — синий, белый, синий, — и в этом рваном свете всё вокруг стало похоже на плохо смонтированное кино. Хлопнули двери машины. По арке простучали шаги.

— Руки! Руки покажи!

Денис поднял голову. Двое в форме, один с фонарём, второй держал руку на кобуре. Фонарь бил прямо в лицо.

— Он не дышит, — сказал Денис. — Скорую. Нужна скорая.

— Руки, я сказал!

Денис поднял руки. В свете фонаря они были тёмными — то ли от крови, то ли от сажи с прожжённого пальто. Он только сейчас это заметил.

Тот, что с фонарём, подошёл, посветил на старика, присел, приложил два пальца к шее. Подержал. Потом посветил Денису в лицо снова, но уже не так резко, будто что-то для себя решил.

— Ты кто такой?

— Шёл мимо. Домой. Тут… был взрыв. — Слово нашлось само, и Денис ухватился за него, как за поручень в метро. — Хлопок, вспышка. Он упал. Я начал реанимацию.

— Скорую вызвали, — сказал второй, уже отпустив кобуру. Он говорил в рацию, отвернувшись: — Двести шестой, на месте. Один пострадавший, без признаков жизни. Свидетель. Да. Нет, никого больше. Понял.

— Продолжай, — сказал Денису первый и кивнул на старика. — Раз начал. Пока врачи не приедут.

Денис опустил руки на грудину и продолжил. Раз, два, три. Он знал, что это бесполезно, знал с той секунды, когда ладонь в его руке стала остывать. Но считать было проще, чем думать. Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Наклониться, запрокинуть голову, вдох. Губы у старика были сухие и пахли табаком.

При очередном вдохе Денис скосил глаза в сторону — и увидел.

Вторая парадная, та, что напротив открытой, была приоткрыта. Тяжёлая дверь с кодовым замком стояла на ладонь от косяка, и в этой щели, в темноте подъезда, кто-то был. Не лицо — просто силуэт, плечо, светлое пятно кисти на ручке. Человек стоял и смотрел.

Денис моргнул.

Дверь мягко, беззвучно закрылась. Ни щелчка замка, ни звука шагов. Просто ровная тёмная поверхность и кнопки домофона, тускло подсвеченные синим.

— Чего застыл? — сказал полицейский. — Качай.

Денис качал.

Скорая приехала через одиннадцать минут — он знал точно, потому что считал циклы. Двое в синих куртках оттеснили его, разложили на асфальте оранжевый ящик, прилепили к груди старика провода. Монитор показал ровную зелёную линию. Врач, немолодая женщина с усталым лицом, ещё пару минут что-то делала — укол, разряд, снова укол, — потом посмотрела на часы и сказала вслух время, ни к кому не обращаясь. Двадцать часов семнадцать минут.

Денис сидел на бордюре у голого дерева и смотрел на свои руки.

Кто-то накинул ему на плечи его же шарф — мокрый, тяжёлый, бурый. Кто-то спросил, не ранен ли он, и он покачал головой. Кто-то сказал: «Сейчас следователь подъедет, никуда не уходи». Двор наполнялся людьми — в форме и без, жильцами в куртках поверх халатов, — фонари так и не зажглись, и всё освещали мигалки и окна.

Левое плечо горело.

Не болело — именно горело, ровно и упрямо, как горит кожа после того, как в детстве случайно схватишься за утюг. Денис осторожно запустил руку под пальто, под свитер, нащупал плечо через рубашку. Ткань была сухой и целой. Под ней ничего не прощупывалось, кожа как кожа.

Но горело так, будто там поставили клеймо.

В кармане пальто, прижатый к бедру, всё ещё писал диктофон.

Глава 3. Протокол

Следователь приехала без двадцати девять.

Денис ждал кого-то вроде тех следователей, которых видел в судах, когда ещё писал про суды: грузного мужчину в кожаной куртке, с папкой под мышкой и лицом человека, которому всё давно известно заранее. Вместо этого из серой «шкоды» вышла невысокая женщина лет сорока, в парке поверх тёмного костюма, без шапки, хотя с неба уже сеялась мелкая ледяная крупа. Короткие тёмные волосы, у виска — одна седая прядь, словно мазнули кисточкой. Она постояла у машины, оглядывая двор, — не тело, не полицейских, а именно двор: окна, арки, леса, погасшие фонари. Потом подошла к Денису и остановилась над ним.

— Вы свидетель?

— Я.

— Капитан юстиции Ремизова, следственный отдел. — Она не протянула руку, просто показала удостоверение и тут же убрала. — Встать можете?

Денис встал. Ноги затекли, колени промокли насквозь.

— Пойдёмте в машину, — сказала Ремизова. — Там теплее, и мне писать удобнее.

В «шкоде» пахло кофе и автомобильным освежителем с запахом «морской бриз», который пах чем угодно, только не морем. Ремизова села за руль, Денис — рядом. Она достала из бардачка блокнот — обычный, бумажный, на пружине — и шариковую ручку. Включила свет в салоне.

— Планшет у нас есть, — сказала она, перехватив его взгляд. — Но от руки я лучше думаю. Паспорт с собой?

Он отдал паспорт. Она переписала данные, не торопясь, аккуратным круглым почерком отличницы.

— Ковалёв Денис Андреевич, — прочитала она вслух. — Тридцать два года. Прописка — Псков, проживаете?

— Здесь, на Петроградке. Снимаю. Улица Ленина.

— Работаете?

— В банке. Пишу тексты для их блога.

— Какие тексты?

— Про деньги. Как копить, как не попасть на мошенников.

Она подняла глаза от блокнота, посмотрела на него внимательно, будто сверяла с какой-то картинкой в голове, — и снова опустила.

— Хорошо. Рассказывайте. С того момента, как вошли во двор. Подробно, медленно, я записываю.

И Денис рассказал.

Он шёл с работы. Срезал дворами, как всегда. Вышел из арки и увидел двоих — пожилого, в пальто и кепке, и помоложе, в тёмной куртке. Они стояли посреди двора и, кажется, о чём-то спорили, но слов он не слышал. Потом погасли фонари. Потом была вспышка и хлопок, похожий на взрыв газа. Пожилой упал. Молодой постоял над ним, а когда завыла сирена, ушёл в дальнюю арку. Хромал на правую ногу. Лицо Денис видел секунду — когда тот посмотрел в телефон: узкое, небритое, светлые глаза.

Всё это было правдой. Он не соврал ни в одном слове.

Он только не сказал о том, что воздух между ними дрожал, как над раскалённым асфальтом. Что дверь парадной распахнулась сама и молодого отбросило невидимой волной. Что у молодого между пальцами бегали голубые искры, а телефон у Дениса в руке умер и ожил. Что старик, умирая, говорил о мире, двери и башне и что от его ладони по руке Дениса поднялся жар.

Три года назад Денис написал бы, что свидетель «умолчал о существенных деталях». Сейчас он сидел в тёплой машине и умалчивал, и ему не было стыдно. Ему было страшно — и стыдно, кажется, было бы потом.

Ремизова писала, не перебивая. Когда он закончил, она перевернула страницу назад и несколько секунд смотрела в свои записи.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь давайте ещё раз. Во сколько вы вышли с работы?

— Около семи. Без пяти, может быть.

— Шли пешком?

— Да.

— Сколько отсюда до вашего банка пешком?

— Минут пятнадцать. Если дворами.

— Значит, здесь вы были примерно в десять минут восьмого.

— Нет, — сказал Денис. — Позже. Я шёл медленно, у меня был созвон.

— С кем?

— С поисковым отрядом. Я волонтёр, в информационной группе.

Ремизова снова подняла глаза. На этот раз она смотрела дольше.

— Созвон во сколько закончился?

Денис полез за телефоном, открыл журнал вызовов. Групповой звонок, тридцать восемь минут. Окончен в 19:56.

— Без четырёх восемь, — сказал он. — Я как раз выходил из арки.

— А хлопок?

— Сразу после. Через пару минут. Может, три.

Ремизова медленно кивнула и что-то пометила на полях.

— Вот какая штука, Денис Андреевич, — сказала она. — Звонок в полицию поступил в девятнадцать пятьдесят семь. Мужской голос, номер скрыт. Сказал дословно: «Во дворе на Пушкарской убивают человека». И отключился.

Денис молчал.

— То есть, — продолжила она ровно, — кто-то позвонил до хлопка. Когда ваши двое, по вашим словам, ещё просто стояли и разговаривали. Как вы думаете, почему человек звонит в полицию, если двое мужчин просто стоят и разговаривают?

— Не знаю, — сказал Денис. — Может, он видел что-то раньше. До меня.

— Может, — согласилась Ремизова. — Звонил не вы?

— Нет. Можете проверить телефон.

— Проверю, если понадобится. — Она не улыбнулась. — Ещё вопрос. Вы говорите — взрыв газа. Почему газа?

— Так звучало. Хлопок. Как когда баллон…

— В этом доме газа нет. И в соседнем нет, оба переведены на электроплиты ещё в девяностые. Мне жильцы сказали, пока я шла. — Она постучала ручкой по блокноту. — Зато во всём дворе выбило свет. Фонари, щиток во второй парадной, три квартиры. Электрик из аварийки говорит, впечатление такое, будто в сеть разом ударила молния. У потерпевшего ожоги на груди — врач со скорой сказала, похоже на электротравму. Вы видели что-нибудь у молодого в руках? Провод, шокер, что угодно?

Денис вспомнил голубые нити между пальцами, бегущие искры на водосточной трубе.

— Нет, — сказал он. — Ничего в руках не видел.

Это тоже было правдой. В руках у молодого действительно ничего не было.

Ремизова посмотрела на его ладонь — ту, которой он прихлопнул тлеющее пальто. На коже вздулся белый пузырь.

— А это?

— Пальто на нём тлело. Я погасил.

— Понятно.

Она помолчала, постукивая ручкой по рулю. Снаружи по стеклу ползли капли. Во дворе работали криминалисты, вспыхивала фотовспышка — белая, плоская, похожая на ту, первую, и каждый раз Денис чуть вздрагивал.

— Документов при нём нет, — сказала вдруг Ремизова, глядя в лобовое стекло. — Телефона нет. Бумажника нет. В сумке — термос с чаем, бутерброды в фольге, газета «Метро» за вторник и набор напильников. Маленьких таких, как у часовщиков. Знаете, сколько у меня таких неустановленных за год?

— Много?

— Хватает. Обычно это кто-то, кого никто не ищет. — Она повернулась к нему. — Вы ведь поисковик. Вы знаете, как это бывает.

Денис знал. Неопознанные лежали в моргах неделями, иногда месяцами, и в информационной группе было отдельное направление — сверять ориентировки на пропавших с базами неустановленных тел. Самая тяжёлая работа из всех. Он её не любил и делал лучше многих.

— Знаю, — сказал он.

— Ковалёв, — сказала Ремизова, будто пробуя фамилию на вкус. — Денис Ковалёв. Это не вы, случайно, писали про больницу в Колпино? Про списанные лекарства?

Денис почувствовал, как в груди что-то сжалось.

— Я.

— Хороший был материал, — сказала она спокойно. — Жаль, что сняли. Я тогда как раз в Колпино работала. Мы потом по нему проверку делали — по вашим накладным. — Пауза. — Медсестру вашу жалко.

Он ничего не ответил. Говорить было нечего.

— Я к тому, — сказала Ремизова, — что вы человек, который умеет замечать. Профессиональная привычка. Такие люди обычно замечают больше, чем рассказывают. — Она протянула ему визитку. — Если вспомните что-нибудь ещё — что угодно, даже если покажется глупым, — позвоните. Мне важно.

Денис взял визитку. На ней было имя, телефон и больше ничего — ни герба, ни должности.

— Подпишите протокол, — сказала она и развернула к нему блокнот. — «С моих слов записано верно, мною прочитано».

Он прочитал. Всё было записано верно. Всё, что он сказал.

Он подписал.

Домой Денис добрался к половине двенадцатого.

Квартира на Ленина была маленькой однушкой с высоким потолком и окном во двор-колодец, где днём было так же темно, как вечером. Денис снимал её четвёртый год. За это время он так и не повесил ни одной картины, не купил ни одного горшка с цветами и не разобрал коробку с книгами, которая стояла у стены с самого переезда. Квартира была как гостиничный номер, в котором задержался дольше, чем собирался.

Он разулся, повесил пальто — от пальто пахло гарью, озоном и чужой кровью, — и так и стоял в прихожей, глядя на вешалку. Потом сунул руку в карман и достал телефон.

Диктофон всё ещё писал. Два часа сорок одна минута.

Денис остановил запись. Сел на кухне, не зажигая верхнего света, только лампу над плитой. Включил чайник — просто чтобы что-то шумело. Надел наушники и отмотал на начало.

Сначала был шорох ткани — телефон в кармане. Потом его собственный голос, приглушённый, как сквозь вату: «Успеют. Они уже здесь, слышите?» Потом сирена.

И голос старика.

Он звучал на записи совершенно ясно, хоть и тихо. Каждое слово. «Не надо скорую. Не успеют». «Слушай, а не говори». «Я… из Мира. Теперь и ты тоже». «Отдаю тебе дверь». «Это навык. Открой любую дверь — и пройдёшь в башню».

На этом месте на записи был звук — короткий, сдавленный, — и Денис не сразу понял, что это он сам, когда обожгло плечо.

Он прослушал запись три раза. На третий раз взял с подоконника блокнот, в котором обычно записывал телефоны больниц, и по старой привычке сделал расшифровку — слово в слово, с паузами, с пометками «неразборчиво» там, где мешала сирена. Потом выписал отдельно, столбиком, то, что показалось важным:

Мир — «из Мира». С большой буквы? На слух не понять.

«Теперь и ты тоже».

Дверь. Навык. «Открой любую дверь — пройдёшь в башню».

«Им туда было нужно. Я не повёл». Кому — им? Хромому? Кому-то ещё?

«Смотри на знаки». Какие?

«Остерегайся…» — кого или чего?

Звонок в полицию — 19:57, ДО взрыва. Кто звонил?

Он посмотрел на столбик. Получилось похоже на план материала — на те листки, которые он когда-то исписывал перед тем, как сесть за большой текст. Тогда на таких листках были факты, а вопросы ставились к фактам. Здесь фактов не было. Были одни вопросы.

Чайник давно вскипел и выключился. Денис не стал наливать.

У него горела ладонь, ныли колени, а левое плечо всё ещё жгло — ровно, глубоко, будто под кожей тлел уголёк. Он решил, что надо в душ. Смыть с себя этот двор. Лечь. Утром, может быть, всё это сложится во что-то понятное — в нервный срыв, в отравление, в галлюцинацию от шока. Он читал про такое. Свидетели катастроф иногда рассказывали вещи, которых не было.

В ванной он стянул свитер и рубашку, бросил на стиральную машину и повернулся к зеркалу.

И замер.

На левом плече, чуть ниже ключицы и ближе к руке, была татуировка.

Ключ. Старинный, с кольцом-ушком, длинным стержнем и простой бородкой из трёх зубцов. Размером со спичечный коробок. Линии были тёмно-серыми, чуть размытыми по краям, как у очень старых наколок, которые делали обычной тушью и иглой, — такие Денис видел у деда на пальцах. Будто ключ нарисовали лет двадцать назад и с тех пор он медленно выцветал.

Денис знал своё тело так, как знает его любой человек, проживший в нём тридцать два года. У него не было ни одной татуировки. Никогда. Он даже в студенчестве, когда весь курс бегал колоть себе иероглифы и кельтские узоры, не стал — не видел смысла.

Он потёр ключ пальцем. Потом мокрой ладонью. Потом намылил мочалку и тёр, пока кожа вокруг не покраснела. Ключ остался таким же — ровным, гладким, вросшим в кожу. Под пальцами он не прощупывался: не было ни рубца, ни припухлости, ни шершавости. Просто кожа. Только рисунок.

И под ним, глубоко, всё так же тлел уголёк.

Денис долго стоял перед зеркалом. Потом сел на край ванны, потому что ноги стали ватными.

«Отдаю тебе дверь», — сказал старик.

Открой любую дверь.

На стиральной машине завибрировал телефон. Денис вздрогнул, будто его ударили. Сообщение от Серёги: «Ковалёв, на завтра по мальчику ты на больницах и камерах, ок? Ты как вообще, живой? Голос у тебя был какой-то».

Денис посмотрел на экран и не смог придумать, что ответить. Набрал «ок». Потом подумал и добавил: «Живой».

Он выключил свет в ванной и, не глядя больше в зеркало, пошёл спать.

Жар начался около трёх ночи.

Сначала он проснулся от холода — его трясло так, что стучали зубы, хотя батарея под окном была горячей. Он натянул второе одеяло и плед, свернулся в комок, но холод шёл изнутри, из костей. Потом холод вдруг кончился, и пришёл жар — сухой, тяжёлый, как в бане, когда на камни плеснули слишком много. Денис сбросил одеяла, лежал, глядя в потолок, и потолок медленно плыл.

В полусне ему виделись коридоры.

Длинные, каменные, расходящиеся во все стороны от огромного зала с высокими сводами. Он стоял в центре этого зала, и коридоры уходили от него, как лучи, — в темноту, в серый свет, вверх по лестницам и вниз. Было очень тихо. И откуда-то снизу, из глубины, так далеко, что это мог быть просто стук его собственной крови в ушах, иногда доносился низкий гул.

Плечо жгло.

Под утро жар отпустил, и Денис провалился в сон без сновидений — глубокий и чёрный, как колодец.

Глава 4. Первая дверь

Разбудил его телефон.

Денис долго не мог понять, где он и почему так светло. Потом понял: светло, потому что уже день. На часах было 10:42, в телефоне — четыре пропущенных от Лены, один от начальника отдела и сорок семь сообщений в чате поисковиков.

Он сел на кровати. Голова была пустой и лёгкой, как после долгой болезни, когда температура наконец спала и мир кажется немного ненастоящим, слишком чётким, будто его протёрли. Тело слушалось, но с небольшим опозданием. Во рту было сухо, плечо не болело.

Он заметил это не сразу — сначала заметил, что чего-то не хватает, как замечаешь, что перестал гудеть холодильник. Уголька под кожей больше не было. Денис оттянул ворот футболки и скосил глаза. Ключ был на месте: тёмно-серый, выцветший, будто с ним Денис прожил полжизни.

Он отпустил ворот и некоторое время сидел неподвижно.

Потом сделал то, что делал всегда, когда не знал, что делать: начал с простого. Написал начальнику, что заболел, температура, завтра будет. Написал Лене: «Всё нормально, приболел». Открыл чат поисковиков и пролистал. Мальчика, двенадцать лет, нашли в девять утра — ночевал у друга на даче в Токсово, друг привёз его сам, перепуганный, когда увидел ориентировку в районном паблике. Под сообщением Серёги было сорок смайликов с поднятыми руками.

Денис почувствовал короткое, чистое облегчение — такое, какое бывает только в поиске. И сразу же за ним — пустоту. Его группа вчера вечером искала живого человека, а он сидел на мокром бордюре рядом с мёртвым.

Он положил телефон экраном вниз и пошёл умываться.

Коридор в его квартире был таким узким, что, раскинув руки, можно было упереться в обе стены. Справа — вешалка с пальто, от которого до сих пор пахло гарью. Слева — дверь в ванную: белая, крашеная-перекрашеная, с латунной ручкой, которая болталась, сколько Денис здесь жил. Он сто раз собирался её подтянуть.

Он шёл к ванной, не думая ни о чём. Точнее, думал — о том, что снилось ночью. Сон уже почти растаял, остались только обрывки: каменный пол, высокие своды, коридоры, расходящиеся лучами. Тишина. Такая плотная, что её можно было потрогать.

Он взялся за латунную ручку и открыл дверь.

И шагнул.

Не в ванную.

Под ногами был камень. Холодный, гладкий, отполированный до блеска чьими-то шагами, — Денис почувствовал это сквозь носки раньше, чем понял, что видит. А видел он зал.

Огромный. Круглый, как внутренность башни, если бы башню можно было вывернуть наизнанку и поставить на ладонь. Стены уходили вверх так высоко, что свод терялся в полумраке, и только там, под самым сводом, горели окна — узкие, высокие, витражные. Свет сквозь них падал вниз косыми столбами: синими, янтарными, тёмно-красными, и в этих столбах медленно, как в воде, плавала пыль. Где-то цветное стекло было выбито или его не было вовсе, и в эти прорехи виднелось небо — серое, ровное, без единого просвета, будто окна выходили прямо в облако.

По кругу в стенах зала темнели арки — проходы, десятки проходов. Из каждого уходил коридор: одни ровные, другие с лестницей, ведущей вверх, третьи — со ступенями, уходящими вниз, в темноту. Коридоры расходились от зала, как спицы от ступицы колеса, и Денис, стоя в центре, видел сразу несколько из них. В одном горел свет — тусклый, жёлтый, как от керо-

синовой лампы. В другом было совсем черно. В третьем на стене висело что-то, похожее на гобелен.

Было тихо. Так тихо, как не бывает в городе никогда — даже ночью, даже за городом, даже в лесу, где всегда что-то шуршит и потрескивает. Денис слышал, как стучит его сердце. Слышал, как шуршит футболка, когда он дышит.

Пахло камнем, пылью и ещё чем-то — сухим и сладковатым, как в старой церкви, в которой давно не служат.

Этот запах он узнал. Вчера, во дворе, он шёл из распахнутой двери парадной.

— Так, — сказал Денис вслух, и голос ушёл вверх, под свод, и вернулся оттуда тихим, многократно повторённым эхом — так, так.

Он медленно обернулся.

За его спиной в стене была дверь. Обычная деревянная дверь, тёмная, старая, с железными полосами и тяжёлым кольцом вместо ручки. Справа от неё — ещё одна такая же, слева — ещё. Двери шли по стене между арками, одна за другой, все одинаковые, и Денис понятия не имел, из какой из них он вышел. Скорее всего, из этой, прямо за спиной. Наверное. Он не помнил, чтобы открывал кольцо, — он открывал латунную ручку, которая болталась.

Сердце, которое до этого стучало, теперь заколотилось — быстро, неровно, будто кто-то бил в дверь изнутри грудной клетки.

Это сон, сказал себе Денис. Ты ещё спишь. Тебе снится то же самое, что снилось ночью, только подробнее, потому что температура. Такое бывает.

Он ущипнул себя за руку. Больно. Он прикусил губу — тоже больно. Пол под ногами был холодным, и холод уже поднимался по ступням к лодыжкам.

Телефон. Телефон остался на кровати, экраном вниз.

Нет. Денис похлопал себя по карманам домашних штанов — и нащупал прямоугольник. Он не помнил, как взял его с собой. Видимо, взял — по привычке, как берёт любой человек, идущий в туалет.

Экран загорелся. 10:51. В углу, там, где обычно четыре полоски сети, было пусто. «Нет сети». Вай-фай тоже не находился. Денис набрал Серёгу — просто чтобы что-то сделать. Телефон подумал и сообщил, что вызов невозможен.

Рука сама открыла камеру и палец нажал на кнопку. Щёлк. Ещё. Ещё раз — в сторону освещённого коридора. И только потом Денис понял, что делает, и остановился, держа телефон перед собой, как фонарик.

На экране был зал. Каменный пол, столбы цветного света, тёмные арки. Всё как на самом деле.

И тут, совсем тихо, где-то далеко внизу загудело.

Низкий, ровный звук, на самом краю слуха, — не столько слышимый, сколько ощутимый подошвами. Так гудит большой трансформатор, если стоять рядом с подстанцией. Или далёкий поезд в метро, когда стоишь на пустой платформе и ещё не видишь огней. Гул шёл из коридоров, ведущих вниз, — из всех сразу или ни из одного. Пыль в столбах света, кажется, на мгновение дрогнула и поплыла быстрее.

Денис перестал дышать.

Гул продержался секунды три и стих. Так же постепенно, как появился. И тишина после него стала ещё плотнее.

Всё. Хватит.

Денис развернулся к двери за спиной и схватился за железное кольцо. Оно было ледяным. Дёрнул на себя — дверь не поддалась. Толкнул — тяжёлое дерево сдвинулось на сантиметр и встало. Тогда он упёрся плечом, всем весом, и одновременно, не формулируя, не облекая в слова, всем собой захотел — назад. Домой. В свой узкий коридор с вешалкой и пальто, которое

пахнет гарью. К болтающейся латунной ручке. В нормальный мир, где есть сеть, батареи, гул проспекта за окном и не бывает таких тишин.

Дверь подалась — легко, будто её смазали.

И Денис вывалился в собственный коридор, споткнулся о кроссовки, стоящие у порога ванной, и с размаху сел на пол.

Он сидел на полу, наверное, минут пять.

В квартире было обычно. Тикали часы на кухне. За окном, в колодце двора, кто-то хлопнул дверцей машины. Внизу, у соседей, бормотал телевизор. Батарея под окном в комнате потрескивала, остывая и нагреваясь, как всегда.

Дверь в ванную стояла открытой. Изнутри было видно кафель, раковину, его зубную щётку в стакане, полотенце на крючке. Свет в ванной не горел.

Денис встал. Медленно подошёл к двери. Посмотрел на латунную ручку. Ручка как ручка — болталась.

Он закрыл дверь.

Постоял.

Потом очень осторожно, держа в голове одну мысль — «ванная, это просто ванная, мне нужно умыться», — открыл снова.

Ванная. Кафель, раковина, щётка, полотенце. Пахло зубной пастой и чуть-чуть сыростью — в этом доме сырость была везде. Денис включил свет, и лампочка под потолком, как всегда, сначала мигнула, а потом зажглась.

Он засмеялся. Коротко, неприятно, сам испугавшись своего смеха. Сел на край ванны — там же, где сидел ночью, разглядывая ключ на плече.

Ну вот. Всё понятно. Температура, стресс, недосып. Сон наяву. Он где-то читал, что такое бывает: человек выходит из глубокой фазы сна слишком резко, тело уже проснулось, а мозг ещё нет. Сонный паралич, гипнагогические галлюцинации, научное название он забыл. Нужно сходить к врачу. К неврологу. Может быть, к психиатру. Стыдно, но нужно. Свидетели насильственной смерти часто…

Он посмотрел на свои ноги.

На сером трикотаже носков, по подошвам и по краям пятки, лежала пыль. Мелкая, светлая, почти белая — тоньше муки. Она не была похожа на пыль из его квартиры, где пыль была серой, комковатой, с кошачьей шерстью от прошлых жильцов, которую не брал никакой пылесос. Эта была другой. Каменной.

Денис медленно вышел в коридор. На тёмном ламинате, от двери ванной до того места, где он сидел, тянулись следы — бледные, отчётливые отпечатки носков. Два шага. Падение. Смазанное пятно.

Он вернулся на кухню, достал из ящика пакет с застёжкой — из тех, в которые когда-то, в прошлой жизни, складывал флешки с чужими документами, — снял носок, вывернул его над пакетом и стряхнул. Пыль легла на дно тонким белым слоем. Он застегнул пакет и положил на стол.

Потом открыл на телефоне галерею.

Три фотографии. Время съёмки — 10:51. Зал. Столбы цветного света. Тёмные арки. На второй — освещённый коридор с гобеленом на стене. На третьей, если увеличить, видно, что на гобелене выткана картина — что-то вроде карты, синие линии на коричневом, и подпись внизу буквами, которых Денис не знал.

В углу третьего снимка, у самого основания стены, было ещё кое-что. Денис увеличил. В каменной кладке, на уровне щиколотки, темнел ряд узких отверстий — штук пять или шесть, в ладонь шириной, ровно, как на старинных колокольнях делали отдушины. Вентиляция, наверное, подумал он. Или украшение. И пролистнул дальше.

Снимки были сделаны в 10:51. Сейчас было 11:04. Он открыл дверь ванной в 10:50 — помнил, потому что перед тем смотрел на часы. Значит, там он пробыл три, от силы четыре минуты.

Денис сел за стол, положил перед собой телефон и пакет с пылью и долго смотрел на них.

У него было два доказательства. Фотографии, которые он не мог никому показать, потому что любой человек, увидев их, решит, что он сфотографировал какой-нибудь собор в Европе или кадр из игры. И пыль, которую можно отнести в лабораторию — и что? Доказать, что это пыль от камня? Кто бы сомневался.

Доказательства без истории — ничто. Это он знал с первой своей редакционной летучки. Факт сам по себе ничего не значит, пока не понятно, что он означает и откуда взялся.

А истории у него не было. Была дверь, через которую он вышел в место, которого не бывает. Были слова умирающего, записанные на диктофон. Был ключ на плече.

«Открой любую дверь — и пройдёшь в башню».

Денис поднялся. Подошёл к двери ванной, взялся за болтающуюся латунную ручку — и не открыл. Постоял, держась за неё, чувствуя, как бьётся сердце.

Нет. Не так. Не вслепую.

Он вернулся на кухню, вырвал из блокнота лист с расшифровкой — вчерашний, со столбиком вопросов, — и положил рядом. Взял ручку. Посидел над пустой страницей.

И написал вверху, по-журналистски коротко, как заголовок:

Наблюдение 1.

Глава 5. Журнал

Наблюдение 1. Дверь ванной, 10:50. Думал о зале из сна — оказался в зале. Думал о ванной — оказался в ванной. Гипотеза: работает мысль. Проверить.

Страшнее всего была неуверенность в том куда он суётся и удастся ли вернуться. Когда ты сам по своей воле шагаешь в неизвестность это противоречит всем инстинктам, но любопытство и это его чёртово стремление всюду копнуть глубже, благодаря которому Денис и выбрал профессию журналиста перевесили.

Проверка заняла остаток дня, Денис подошёл к ней так, как подошёл бы к любому сомнительному источнику: не верить ничему, что нельзя повторить. Если что-то случилось один раз — это случай. Если дважды — совпадение. Если трижды при одинаковых условиях — уже можно писать.

Он встал перед дверью ванной, взялся за болтающуюся ручку и сначала подумал про ванную. Открыл. Ванная. Закрыл. Подумал про зал — про каменный пол, столбы цветного света и тишину — и открыл.

Камень под ногами. Свет. Тишина.

Он сосчитал до пяти, развернулся к двери с железным кольцом, подумал о доме — и вышел в свой коридор.

Третий раз. Четвёртый. На пятый он перестал вздрагивать, переступая порог.

Наблюдение 2. Вход — только если думаешь о зале. Не обязательно ясно, достаточно держать в голове картинку. Выход — то же самое, только думать о доме. Пять из пяти.

Наблюдение 3. Выхожу всегда туда, откуда вошёл. Пробовал думать об офисе, о кухне, о Большом проспекте — каждый раз коридор у ванной. Похоже, дверь «помнит», откуда меня взяла.

Потом он пошёл по квартире.

Дверей в однушке оказалось меньше, чем он думал. Входная — тяжёлая, железная, с двумя замками. Денис открыл её, думая о зале, и вместо лестничной клетки с запахом кошачьего корма шагнул на камень. Вышел — стоял на пороге собственной квартиры, а мимо как раз поднималась соседка снизу с пакетами из «Ленты». Она посмотрела на него, на его носки, на распахнутую дверь, сказала «здрасьте» тем голосом, каким здороваются с людьми, у которых, видимо, что-то не в порядке, и прошла мимо.

Дверь в комнату — стеклянная, с рифлёным стеклом — сработала. Дверь кладовки, узкая и низкая, — тоже, хотя пришлось пригнуться. Шкаф-купе в прихожей Денис попробовал из чистого упрямства: отодвинул створку, протиснулся боком между пальто и стеной, думая о зале, — и вывалился из-за двери с железным кольцом, зацепившись курткой за что-то и оборвав пуговицу.

Кухонный шкафчик над раковиной не сработал. Дверца холодильника — тоже, сколько он ни держал её открытой, глядя на пачку масла и думая о каменных сводах. Холодильник просто пищал, жалуясь, что его оставили открытым.

Наблюдение 7. Дверца холодильника не работает. Шкафчик — тоже. Купе работает. Гипотеза: нужен проём, в который можно пролезть самому. Размер? Форма? Проверить на чём-нибудь среднем.

Среднего в квартире не нашлось. Зато нашлось окно. Денис распахнул его, впустив в кухню холодный ноябрьский воздух и шум двора, и долго смотрел на подоконник, думая о зале. Ничего. Окно оставалось окном. Внизу, в колодце, кто-то парковался, сдавая назад под писк датчиков.

Наблюдение 8. Окно — нет. Значит, дело не только в размере. Окно не дверь. Глупо звучит, но, похоже, Башня — или что это — понимает разницу.

Он впервые написал это слово сам. Башня. До сих пор оно было только на диктофоне, в голосе старика. Денис посмотрел на него в журнале и не стал зачёркивать.

К часу дня у него было двенадцать наблюдений и чашка остывшего чая. Чай он решил использовать.

Он вошёл в зал с чашкой в руке, поставил её на каменный пол у самой двери, через которую вошёл, и вышел. Потом вернулся через входную дверь квартиры — совсем другую. И снова оказался перед той же дверью с железным кольцом. Чашка стояла у порога. Чай в ней остыл ещё больше, но не расплескался, не исчез и не превратился во что-нибудь другое.

Наблюдение 13. Вещи остаются. Вещи проносятся туда и обратно. Из любой двери квартиры попадаю к одной и той же двери в зале. Моя дверь?

Чтобы проверить, он сходил на кухню за мелом — когда-то в этой квартире жила семья с ребёнком, и в ящике стола до сих пор валялась коробка цветных мелков, — и нарисовал на старом дереве у кольца маленький белый крест. Потом подумал и рядом, совсем мелко, поставил дату.

При следующем входе крест был на месте.

Телефон в зале показывал всё то же «Нет сети». Камера работала. Денис снял видео — медленную панораму по кругу, от двери до двери, с цветными столбами света, — и, вернувшись, пересмотрел его на кухне. Всё было на месте: зал, арки, свет. Обычное видео, ни помех, ни провалов.

Карты в телефоне в зале показывали серое поле без единой улицы и синюю точку, которая медленно дрейфовала, будто не могла решить, где она. Приложение-компас крутилось, не останавливаясь, — плавно, по кругу, как стрелка часов, которые сошли с ума.

Тогда Денис сделал то, что следовало сделать сразу. Запустил на телефоне секундомер, а на кухне — второй, на старых электронных часах с будильником. Нажал оба одновременно, вошёл в зал, сел на каменный пол у своей двери и десять минут просидел, глядя на экран.

Десять минут ровно. Он встал, вышел, посмотрел на кухонные часы.

Десять минут и тридцать восемь секунд.

Он повторил посидев у другой двери в зале. Десять минут в зале — десять сорок одна снаружи.

Третий раз — десять тридцать шесть.

Наблюдение 15. Время. Там идёт чуть медленнее — или здесь чуть быстрее, около 40 секунд на 10 минут.

Денис долго смотрел на эту запись. Сорок секунд — ерунда. Никто бы не заметил. Но он заметил, и теперь не мог отделаться от ощущения, что это важно. Как в тех делах, где мелкая нестыковка в датах накладных в итоге оказывалась ниточкой, за которую вытягивалось всё остальное.

Первый раз он отошёл от своей двери около двух часов по полудню.

Освещённый коридор с гобеленом был недалеко — шагов тридцать через зал. Денис шёл к нему медленно, глядя под ноги, как идут по льду. Под подошвами — он надел кроссовки, урок с носками был усвоен — поскрипывала пыль. Столбы цветного света проплывали мимо: синий, янтарный, красный. В каждом его рука на мгновение окрашивалась, как в детстве, когда смотришь на мир сквозь фантик от конфеты.

Лампа в коридоре оказалась настоящей лампой — керосиновой, в стеклянном колпаке, на железном крюке в стене. Она горела ровно, без копоти. Денис не нашёл ни бачка, ни фитиля, который можно было бы подкрутить, — просто огонёк за стеклом, будто его зажгли минуту назад. Гобелен висел дальше: огромный, от пола до потолка, тёмно-коричневый, с выцветшими синими линиями. Вблизи линии были похожи то ли на реки, то ли на коридоры, то ли на

трещины. Подпись внизу — несколько строк букв, которых Денис не знал. Не латиница, не кириллица, не греческий. Что-то угловатое, с завитками.

Он сфотографировал гобелен целиком и по частям.

Дальше коридор шёл в полумраке. По обе стороны тянулись двери — уже не такие, как в зале, а разные: дубовая, крашенная зелёной масляной краской, совсем простая, из досок. На некоторых были номера — латунные цифры, привинченные на уровне глаз. Денис прошёл мимо 7, потом 112, потом 3. Потом номер 58. Порядка не было никакого.

Он подёргал ручку у седьмой. Заперто. У сто двенадцатой — тоже. Третья открылась на ладонь и упёрлась во что-то с той стороны, а из щели пахнуло холодом и мокрым камнем. Денис закрыл её и отошёл.

На полу перед пятьдесят восьмой одна из каменных плит лежала неровно — чуть выше соседних, на палец, не больше. Денис наступил на неё, не заметив. Плита едва ощутимо качнулась под ногой, будто на чём-то держалась, а не лежала на земле. Ничего не произошло. Денис посмотрел вниз, постоял на ней ещё секунду — плита под весом не шевелилась, — и пошёл дальше.

Наблюдение 19. Коридор от зала (освещённый, с гобеленом). Двери с номерами: 7, 112, 3, 58 — подряд. Порядка нет. 7 и 112 заперты, 3 приоткрывается — холодно, сыро. Перед 58 плита качается. Осторожнее, можно подвернуть ногу.

Дальше лампы кончались. Коридор уходил в темноту, и экранный свет телефона выхватывал из неё только пятно в пару шагов — пол, кусок стены, край ещё одной двери. Батарея показывала тридцать один процент. Денис постоял на границе света, вглядываясь в черноту. "Ну нафиг", подумал Денис, волосы на загривке стояли дыбом, древний страх перед неизвестностью и густой темнотой просачивался в мысли и накрывал всё сильнее с каждым ударом сердца.

Впереди было тихо. Но тишина эта уже не казалась пустой. Казалось, что темнота — тоже коридор, просто ещё не видимый, и что он тянется долго. Очень долго.

Денис развернулся и пошёл назад, прислушиваясь к малейшему шороху и светя телефоном по сторонам.

Наблюдение 20. Без света дальше нельзя. Телефона хватает метра на два. Нужно снаряжение.

Список он составил на кухне за десять минут. Составлять было нечего — список у него давно был, просто назывался иначе.

В поисковом отряде каждый новичок первым делом получал памятку: «Тревожный рюкзак поисковика». Что брать на ночной поиск в лесу, на болоте, в промзоне. Денис сам в лес выходил редко — информационная группа работала из дома, — но памятку знал наизусть: он когда-то её редактировал, вычищая канцелярит.

Он выписал её почти дословно, вычеркнул компас — «бесполезен, проверено» — и добавил несколько пунктов от себя.

Магазин снаряжения был на Чкаловском, в полуподвале с низким потолком, где пахло резиной, брезентом и новыми ботинками. Продавец — бородатый парень в флиске с логотипом магазина и с длинной седой прядью в бороде — оторвался от телефона, когда Денис положил на прилавок список.

— О, — сказал продавец, пробежав его глазами. — Серьёзно. Поисковик?

— Почти, — сказал Денис.

— Видно. — Продавец ткнул пальцем в верхние строчки. — Налобник — какой бюджет?

Бюджет вышел больше, чем Денис рассчитывал.

Налобный фонарь на семьсот люмен, с красным режимом, чтобы не слепить себя в тумане и не сажать глаза в темноте. Второй, запасной, попроще — «потому что первый всегда садится

в самый неподходящий момент», сказал продавец, и Денис не стал спорить. Мощный ручной фонарь с длинным лучом. Компактный кемпинговый светильник, который можно поставить на пол и осветить целую комнату. Аккумуляторы — шесть штук, большие, литиевые, к налобникам и ручному, — и зарядное устройство на четыре слота. Два пауэрбанка на двадцать ампер-часов.

— Химсвет брать? — спросил продавец. — Палочки, которые ломаешь — и светятся. Если батарейки сдохнут, они не подведут.

— Двадцать штук.

— Двадцать? — Продавец поднял брови. — Куда вы, если не секрет? В пещеры?

— В подвал, — сказал Денис.

Продавец посмотрел на него, на список, снова на него — и, видимо, решил, что вопросов больше не будет. Это было приятно: в магазинах снаряжения, похоже, давно привыкли к людям, которые не говорят, куда идут.

Ещё — светоотражающая лента, два рулона, отмечать дорогу. Мел, большая коробка. Блокнот в непромокаемой обложке и карандаши, потому что ручки на холоде отказывают. Аптечка — нормальная, поисковая, с жгутом и бинтами, а не тот пакетик с пластырями, что лежал у него в ванной. Свисток. Литровая фляга. Десяток протеиновых батончиков. Моток тонкой прочной верёвки. Небольшой рюкзак, тёмно-синий, с поясным ремнём.

На выходе продавец, пробивая чек, сказал вдруг, не поднимая головы:

— Вы там это… поаккуратнее. В подвалах. Люди, бывает, уходят и не возвращаются.

Денис посмотрел на него. Парень смотрел в кассу. Обычный парень, обычная седая прядь в бороде — такая бывает у людей, которые рано начинают седеть.

— Знаю, — сказал Денис. — Я их ищу.

Вечером он разложил всё на полу в комнате и долго смотрел на это хозяйство.

Зарядил аккумуляторы. Проверил фонари — включил налобный на полную мощность, и белый луч ударил в стену так, что на обоях проявились старые пятна, которых он раньше никогда не замечал. Упаковал рюкзак, как учили: тяжёлое — к спине, нужное — сверху, аптечка — в боковой карман, чтобы достать одной рукой.

Потом сел за кухонный стол и открыл журнал.

Двадцать наблюдений. Двадцать фактов. Он перечитал их подряд, как перечитывал когда-то материалы перед сдачей: что подтверждено, что под вопросом, где дыра.

Дыра была одна, и большая.

Он знал, как это работает — двери, мысль, вход, выход. Но понятия не имел, что это. Кто строит залы с витражами за дверью ванной. Чьи это коридоры, двери с латунными номерами, керосиновые лампы, которые горят без керосина. И кто был тот старик, который отдал ему всё это — не спросив, хочет ли он, — и умер на мокром асфальте с недоговорённым словом на губах.

Можно было завтра же надеть налобник, войти в зал и пойти в темноту. Посмотреть, что там дальше. Руки чесались — те самые руки, которые когда-то сами набирали номера и сами включали диктофон.

Но Денис знал и другое. Когда влезаешь в чужую историю, первым делом надо выяснить, чья она. Иначе обязательно наступишь на что-то, чего не заметил.

Он открыл ноутбук. Нашёл сайт городского управления МВД. Раздел «Внимание, розыск», подраздел — «Установление личности».

Ориентировку на неустановленного мужчину, найденного вчера вечером на Петроградской стороне, ещё не выложили. Её выложат завтра или послезавтра. С фотографией, описанием одежды и особыми приметами.

Наблюдение 21, — написал Денис. — *Кто он?*

Глава 6. Кто ты, дед?

В четверг Денис вышел на работу.

Он сидел за своим столом у окна, смотрел в монитор и не мог написать ни строчки. Тема была простая — «Пять признаков того, что вам звонят мошенники», — он писал такие тексты с закрытыми глазами. Сегодня глаза были открыты, и толку от этого не было никакого. Курсор мигал в начале пустой страницы, и каждый раз, когда Денис пытался сосредоточиться, перед ним вставало другое: светлые внимательные глаза на мокром асфальте. Сухие пальцы, вцепившиеся в его ладонь. Голос: «Слушай, а не говори».

Он ловил себя на том, что каждые несколько минут трогает левое плечо через рубашку. Как трогают языком дырку от выпавшего зуба.

— Ковалёв, ты точно выздоровел? — спросила Лена, проходя мимо с кружкой. — Ты бледный, как стенка.

— Нормально, — сказал он. — Остаточное.

— Иди домой.

— Сейчас допишу.

Он не дописал. В половине пятого сдал редактору три абзаца, которые всё равно пришлось бы переписывать, и ушёл, чувствуя спиной Ленин взгляд.

Домой он поехал на метро — впервые за долгое время. Дворами идти не хотелось. Совсем. От одной мысли о длинной тёмной арке под рёбрами что-то сжималось в маленький холодный комок. В вагоне он стоял у дверей и разглядывал людей. Мужчина в тёмной куртке, лет сорока, — небритый? Нет. Светлые глаза? Карие. Ещё один, у противоположных дверей, читает что-то в телефоне. Узкое лицо. Денис следил за ним три остановки, пока тот не вышел на «Невском» — легко, пружинисто, на обе ноги.

«Ты параноик», — сказал себе Денис. И сам себе ответил: «Ты свидетель убийства, которого видел убийца. Если это паранойя, то очень разумная».

Хромой смотрел тогда прямо на арку. Секунду, две. Видел или нет? Денис прокручивал этот момент снова и снова — и каждый раз ответ был другим.

Ориентировку выложили в пятницу утром.

Денис проверял сайт с семи, каждые полчаса, как когда-то проверял ленту новостей в ожидании реакции на свой материал. В девять сорок две раздел «Установление личности» обновился.

Он открыл карточку — и на секунду закрыл глаза.

Он видел сотни таких карточек. В информационной группе они проходили через него каждую неделю: стандартный текст, сухие формулировки, рост, возраст, приметы. И фотография — не прижизненная, а сделанная потом, в морге, при плохом свете, с закрытыми глазами. К ним привыкаешь. Учишься смотреть на них как на документ, а не как на человека. Иначе в инфогруппе долго не продержишься.

Этого человека Денис видел живым. Держал за руку. Слышал его голос.

Лицо на фотографии было спокойным и каким-то чужим, как у восковой фигуры, вылепленной по описанию. Крупный нос, седые усы. Глаза закрыты, и без них лицо потеряло всё, что Денис запомнил: внимательность, досаду. Остался просто пожилой мужчина, каких в городе сотни тысяч.

К горлу подкатила тошнота, и Денис заставил себя дышать медленно. Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Как учил психолог отряда после первого тяжёлого поиска.

Потом он начал читать — уже не как человек, а как поисковик.

«Неизвестный мужчина, на вид 60–65 лет, рост около 175 см, телосложение плотное. Волосы седые, короткие. Усы седые. Глаза серые. Был одет: пальто тёмно-серое, длинное, свитер серый шерстяной, брюки тёмные, ботинки чёрные. Кепка твидовая. Особые приметы: на левом плече татуировка в виде ключа; на ладонях застарелые мозоли, в кожных складках пальцев — следы металлической пыли, мелкие ожоги на подушечках пальцев. При себе имел: сумку холщовую, термос, набор надфилей. Всех, кто может что-либо сообщить…»

Денис перечитал строчку про татуировку три раза.

Под текстом было несколько фотографий. Одежда, разложенная на столе. Сумка. Крупным планом — ладонь, в которой не было ничего особенного, кроме грубой кожи и тёмных точек, въевшихся в складки пальцев. И последний снимок.

Плечо.

Ключ.

Денис увеличил фотографию на весь экран и долго смотрел. Потом встал, ушёл в ванную, стянул футболку и встал перед зеркалом с телефоном в руке — так, чтобы видеть одновременно экран и своё плечо.

Они были похожи. Как похожи родственники — не одно лицо, а одна порода. Тот же старинный ключ с кольцом-ушком. Тот же длинный стержень. Та же манера рисунка — тёмные, чуть расплывшиеся линии, будто сделанные очень давно.

Но ключ старика был другим. Больше — почти с ладонь. Ушко было не простым кольцом, а сложным переплетением, похожим то ли на узел, то ли на цветок. По стержню вились тонкие линии, как гравировка на старинном оружии. А бородка — Денис сосчитал — была не из трёх зубцов, а из семи, и зубцы были разной длины, неровные, затейливые, как у ключей, которыми запирают не двери, а сейфы.

У Дениса на плече был набросок. У старика — законченная работа.

Он медленно опустил телефон.

В голове было странно пусто, а в груди, наоборот, тесно, будто там кто-то медленно затягивал ремень. Мысль, которая пришла, была такой простой, что от неё стало не по себе: «Значит ключ может меняться».

Он вернулся на кухню, открыл журнал и записал, стараясь, чтобы рука не дрожала:

Наблюдение 22. Ключ у старика такой же, но сложнее. Крупнее, больше деталей, 7 зубцов против моих 3. Гипотеза: рисунок меняется. От чего? Возраст? Опыт? Время с момента, как получил? Если так — мой будет расти?

И, подумав, ниже:

Полиция видела его татуировку. Если кто-то увидит мою — свяжет, поймёт кто я?

По спине прошёл холодок. Денис машинально поправил ворот рубашки.

Дальше он работал так, как работал всегда.

Лицо — первое, с чего начинает любой нормальный информационщик. Денис прогнал посмертную фотографию через сервис поиска по лицам, которым пользовались поисковики, — со всеми оговорками, со всеми спорами в отряде о том, этично ли это. Сервис думал минуту и выдал двадцать похожих лиц: пенсионеры из Воронежа, Самары, Тольятти, дедушка из Минска с огромной щукой в руках. Никто из них не был тем, кто нужен.

Неудивительно. Человек без телефона и документов редко ведёт соцсети.

Денис откинулся на стуле и посмотрел в окно, во двор-колодец, где по серой стене ползла капля конденсата. Хорошо. Если нет лица — есть руки.

Мозоли. Металлическая пыль в складках пальцев. Ожоги на подушечках — мелкие, давние, как у тех, кто работает с паяльником или с раскалённым металлом. Набор надфилей — маленьких, тонких, как для часов или для… Денис посмотрел на своё плечо. Для ключей.

Татуировка в виде ключа у человека, который всю жизнь работал с ключами. Он чуть не рассмеялся. Если бы это было в детективе, редактор бы вычеркнул: слишком в лоб.

Он открыл районные паблики.

Петроградка жила в сети так же плотно, как в своих дворах. «Подслушано на Петроградке», «Петроградская сторона — соседи», с десяток домовых чатов, канал с фотографиями старых парадных и ещё один — про потерянных и найденных котов. Денис зашёл в каждый и начал искать. «Ключи». «Мастер ключей». «Сделать ключ». «Дубликат». «Переход».

На сороковой минуте он нашёл.

Пост трёхлетней давности в «Подслушано». Женщина писала, что у неё сломался ключ от бабушкиного сундука, которому сто с лишним лет, и все мастера в городе разводили руками: таких заготовок не бывает. А в переходе у «Петроградской», в маленьком киоске, «волшебный дедушка» сделал новый ключ за два дня, вручную, из куска латуни, и взял, как она написала, «смешные деньги». К посту была фотография: тесный застеклённый киоск, заваленный инструментами верстак, крошечный станок, а в окошке, как в раме, — мужчина в твидовой кепке. Крупный нос. Седые усы. Он не улыбался в камеру и смотрел чуть в сторону, с тем самым выражением досады — будто его отвлекли от дела.

Денис узнал его сразу. Не по усам и не по кепке — по этому взгляду.

Под постом было восемнадцать комментариев. «О, это Савва Ильич! Он мне в прошлом году замок на даче починил, золотые руки». «Ворчливый, но мастер от бога». «Он ещё часы чинит, мне дедушкину „Победу“ оживил». «А вы знаете, что он вообще не берёт заказы по телефону? Только лично. У него и телефона-то нет, кажется». «Это легенда района. Сколько себя помню, он там сидит».

Савва Ильич.

У старика появилось имя.

Денис смотрел на эти два слова и чувствовал, как внутри что-то сдвигается. Человек на асфальте больше не был «неизвестным мужчиной на вид 60–65 лет». У него были золотые руки. Он ворчал. Он оживлял дедушкины часы и делал ключи к столетним сундукам за смешные деньги. Его знал весь район — и никто в районе не знал, что он уже третий день лежит в морге, а не сидит у себя в киоске.

И где-то, может быть, были люди, которые его ждали.

В информационной группе было правило, которое никто не записывал, потому что его не нужно было записывать. Если ты сопоставил неустановленного с кем-то — сообщаешь сразу. Не завтра, не после того, как проверишь ещё раз. Сразу. Потому что где-то сидит семья и сходит с ума, и каждый день неизвестности — это ещё одна ночь без сна.

Денис взял визитку Ремизовой, лежавшую на столе рядом с пакетом каменной пыли.

Набрал номер. Не нажал вызов.

«Я узнал его по посту в паблике. Его зовут Савва Ильич, он мастер ключей в переходе у „Петроградской“». Просто. Нормально. Он поисковик, это его работа, она сама сказала.

А потом она спросит: «Как вам пришло в голову искать именно мастера ключей?» И он скажет — по надфилям и мозолям. И она посмотрит на него этим своим взглядом отличницы, которая видит, что в задаче не сходится ответ. А может, и не спросит. Просто поблагодарит. А через неделю у неё будут фамилия, адрес, родственники, а у родственников — вещи старика. Тетради. Записи. Что-то, что объясняет, кем он был на самом деле.

И всё это уйдёт в дело. В опись. В камеру хранения вещественных доказательств. Туда, откуда Денис уже ничего не узнает.

Он положил телефон экраном вниз.

Ему было мерзко. По-настоящему мерзко, до кислого привкуса во рту, — так не было уже три года. Тогда он тоже решал, что важнее: правда или человек, который от неё пострадает. И тогда он тоже думал, что знает ответ.

«Сначала сам», — сказал он себе. Один день. Только один. Сходить, посмотреть, поговорить с соседями. А потом позвонить, обязательно.

Он знал, что врёт себе. И всё равно встал и надел пальто.

Переход у «Петроградской» был длинным, низким, облицованным серой плиткой, которую не меняли с тех пор, как Денис ещё не родился. Пахло мокрой одеждой, шаурмой и сыростью. Вдоль стен лепились киоски: цветы, чехлы для телефонов, ремонт обуви, «Всё по 99», бабушка с вязаными носками на раскладном столике. Люди шли сплошным потоком, не глядя по сторонам, к метро и от метро, и над всем этим висел ровный гул голосов и шагов.

Киоск Саввы Ильича нашёлся в самом конце, у выхода к Большому проспекту.

Он был закрыт. Глухая железная ставня, выкрашенная когда-то в зелёный, а теперь облезлая до ржавчины. Над ней вывеска, нарисованная от руки неровными белыми буквами: «КЛЮЧИ. ЗАМКИ. РЕМОНТ ЧАСОВ». К ставне скотчем был приклеен тетрадный листок в клетку. На нём твёрдым угловатым почерком: «Закрыто по болезни. С. И.»

Денис долго смотрел на этот листок.

«По болезни». Значит, старик знал. Знал заранее, что не придёт. Написал записку, приклеил, ушёл — и в тот же вечер встал посреди двора напротив человека, у которого между пальцами бегали молнии.

От этой мысли стало холодно и как-то очень одиноко. Будто Денис заглянул в чужое окно и увидел, как человек прощается с комнатой, в которую больше не вернётся.

— Вы к Савве Ильичу?

Денис вздрогнул. Голос раздался справа, из соседнего киоска, где на витрине висели чехлы для телефонов всех цветов радуги. За прилавком сидела полная женщина лет пятидесяти в пуховом жилете, с телефоном в руке.

— Да, — сказал Денис. — Хотел ключ сделать.

— Так он не работает. Третий день уже. — Женщина отложила телефон и вздохнула с удовольствием человека, которому наконец есть с кем поговорить. — Я сама удивляюсь. Пятнадцать лет тут рядом стою, он ни разу не болел. Ни разу! В ковид все болели, а он нет. Я ему говорю: Савва Ильич, вы заговорённый, что ли? А он смеётся. Ну как смеётся — усами шевелит.

— А записку он сам повесил?

— Сам, в среду утром. Пришёл, повесил и ушёл, мрачный такой. Я ещё спросила, что случилось, а он говорит: «Дела, Галя. Старые дела». — Она понизила голос. — Я вот думаю, может, с дочкой что. У него дочка есть, взрослая уже. Он про неё мало говорит, но видно — переживает.

Дочь. Сердце у Дениса пропустило удар.

— А фамилию его вы не знаете? Может, адрес? Я бы зашёл, проведал. Он мне раньше часы чинил…

— Ой, нет. Савва Ильич и Савва Ильич. Он про себя рассказывать не любил. — Галя снова вздохнула. — Да вы не первый спрашиваете. Вчера тоже один приходил, тоже про адрес.

От затылка вниз, по позвоночнику, медленно, как вода по стеклу, пополз холод.

— Какой? — спросил Денис и сам услышал, что голос стал чужим.

— Да обычный. Мужчина лет сорока, в тёмной куртке. Вежливый. Сказал, что заказ оставлял, а забрать не может. — Она подумала и добавила, как добавляют неважную подробность: — Хромал сильно. На правую ногу. Я ещё подумала — бедный, ступенек-то тут сколько.

Вокруг шумел переход. Шли люди. Кто-то толкнул Дениса плечом и не извинился. Бабушка с носками громко торговалась с покупательницей.

А Денис стоял перед закрытой зелёной ставней, и ладони у него стали мокрыми, а во рту пересохло, как тогда, в арке, когда он перестал дышать. Он думал только об одном.

Хромой был здесь вчера. Он тоже ищет.

И он на день впереди.

Глава 7. Грабитель

В субботу Денис впервые за полгода поехал на поиск «в поле».

Он и сам не смог бы толком объяснить зачем. Информационная группа работала из дома, и обычно его это устраивало: ноутбук, телефон, карта района, кофе. Но в субботу днём, когда Серёга кинул в чат карточку — восемьдесят один год, деменция, ушла из дома на Выборгской в домашних тапочках, — Денис поймал себя на том, что не может сидеть в четырёх стенах. Квартира давила. Дверь ванной давила особенно. Он то и дело косился на неё, как косятся на собаку незнакомой породы: вроде не рычит, но кто её знает.

Поэтому он написал Серёге: «Могу в пешую», — и через час уже шёл вдоль бесконечных гаражей у Муринского ручья с фонарём в руке и рацией на груди, выкрикивая в темноту чужое имя.

Бабушку нашли в половине первого ночи. Не он — другая группа, на детской площадке в трёх кварталах от дома: сидела на качелях, замёрзшая, растерянная, и рассказывала, что ждёт мужа с работы. Муж умер в восемьдесят девятом. Её укутали в два одеяла, напоили чаем из термоса и увезли на скорой, а Денис стоял у машины штаба, сдавал рацию и чувствовал то самое, ради чего и ходил в поиск: усталость, от которой подгибаются ноги, и странную тёплую лёгкость в груди, чувство хорошо выполненного дела.

Впервые за неделю он ни разу не вспомнил ни про двор, ни про ключ.

До дома его подвёз Серёга. Высадил на Большом, у круглосуточной «Пятёрочки», — дальше заезжать было неудобно, одностороннее движение. До подъезда оставалось метров триста: через арку, двор, ещё одну арку.

В этот раз Денис о дворах даже не подумал. Ноги сами пошли привычной дорогой.

Вторая арка была короткой и низкой, с облезлой побелкой и лампочкой под решёткой, которая не горела, сколько Денис себя помнил. Справа — железная дверь в чужую парадную с кодовым замком. Слева — глухая стена с граффити.

Его ждали у самого выхода из арки.

Денис понял это не сразу. Сначала просто увидел, как от стены отделился силуэт — невысокий, в капюшоне, руки в карманах, — и подумал: кто-то курит. Потом силуэт шагнул навстречу, и Денис услышал голос, молодой, чуть хрипловатый, с нервной дрожью, которую говоривший пытался спрятать за грубостью:

— Стоять. Телефон, кошелёк. Быстро.

В руке у парня блеснул нож. Небольшой, складной, из тех, что продают на вокзалах вместе с фонариками и брелоками.

Денис остановился.

Странно, но первым чувством был не страх, а досада — тупая, усталая, детская: «Ну почему сейчас». Он только что полночи бродил по гаражам, он вымотался, он хотел спать — и вот. Страх пришёл следом. Не тот, что во дворе, ледяной и непонятный, а простой и животный: у человека в двух шагах нож, и рука с ножом дрожит. Дрожащая рука хуже твёрдой — твёрдая хотя бы знает, что делает.

— Спокойно, — сказал Денис. — Всё отдам. Не нервничай.

— Я не нервничаю! — Голос сорвался. Парень шагнул ближе, и Денис разглядел лицо под капюшоном: худое, с редкой щетиной, лет двадцать пять. Глаза бегали. — Быстрее давай!

Денис полез в карман за телефоном — медленно, как учат: не делать резких движений, отдать всё, что просят, вещи не стоят жизни. Он даже писал про это текст для блога: «Пять правил поведения при уличном ограблении». Пункт первый: не сопротивляйтесь.

В этот момент во дворе за спиной парня хлопнула дверь парадной и раздался чей-то пьяный хохот.

Парень дёрнулся на звук. Рука с ножом метнулась вперёд — не ударить, просто от испуга, — и Денис почувствовал, как лезвие чиркнуло по рукаву пальто у локтя. Он отпрянул, споткнулся о выбоину в асфальте, его повело влево, к железной двери чужой парадной, и он, падая, схватился за ручку.

А парень, теряя равновесие, вцепился в него.

Потом Денис много раз пытался вспомнить, что именно подумал в эту секунду, и не мог. Мысли не было — было желание, огромное и простое, как крик: «Куда угодно, только не здесь». И в этом «куда угодно» было лишь одно место, которое он знал и где точно нет ни ножей, ни арок, ни пьяного хохота за спиной. Тишина. Камень. Свет сквозь цветное стекло.

Дверь, запертая на кодовый замок, открылась легко, будто его ждали.

И они ввалились внутрь вдвоём.

Камень ударил Дениса в плечо и бедро. Рядом с глухим стуком упал парень. Нож звякнул о пол и, вращаясь, отлетел в полумрак.

Тишина.

Столбы цветного света, синие и янтарные, ночью были тусклее, будто за витражами тоже стояла ночь, но всё равно светились. Знакомый сладковатый запах старой церкви. Белый меловой крест на двери прямо перед носом. Дениса тряхнуло от мысли, что из всех дверей Петроградки он попал именно к своей.

Парень лежал на спине в двух метрах от него и смотрел вверх, на своды. Капюшон слетел. Лицо было не испуганное даже, а пустое, как у человека, которого ударили по голове, а он ещё не понял, что произошло.

— Э, — сказал парень. — Э… а?

Денис не стал ждать, пока он поймёт.

Он вскочил, вцепился в железное кольцо и рванул дверь на себя, изо всех сил думая про арку, про лампочку под решёткой, про чёртову выбоину в асфальте — про что угодно в нормальном мире. Дверь подалась. Денис вывалился на мокрый асфальт под аркой, едва не упав снова, и тяжёлая железная дверь с кодовым замком захлопнулась за ним с обычным, будничным лязгом.

Во дворе было пусто: пьяная компания, видимо, ушла. Где-то далеко проехала машина.

Денис стоял, прижавшись спиной к стене, и дышал так, будто пробежал километр. Рукав пальто был распорот у локтя, из прорехи торчал клок подкладки. Руки тряслись мелко и противно, и он никак не мог заставить их перестать.

Потом он побежал домой.

В ту ночь он так и не уснул.

Сначала было облегчение — огромное, до слабости в коленях, до нервного смешка. Жив, цел, телефон и кошелёк на месте. Он сидел на кухне, пил воду из-под крана прямо из чашки, трогал распоротый рукав, и ему хотелось смеяться и плакать одновременно.

А где-то к трём ночи облегчение кончилось, и пришла другая мысль. Медленно, как приходит зубная боль.

Он оставил человека там.

Парень, конечно, был грабителем. Он пришёл в арку с ножом, он чуть не порезал Дениса и, наверное, не стал бы потом мучиться совестью. Денис всё это понимал. Понимал и то, что поступил разумно: оставаться наедине с испуганным человеком с ножом в пустом зале не стоило.

Но там не было еды. Не было воды. Не было выхода — во всяком случае такого, какой мог бы найти обычный человек. Денис не знал, может ли кто-то, кроме него, открыть ту дверь с крестом и вернуться. Скорее всего, нет. Старик ведь сказал: «Отдаю тебе дверь». Тебе, а не всем.

Значит, парень сидит там, в тишине и полумраке, под витражами, и ничего не понимает.

Денис представил это, и ему стало физически плохо.

Он открыл журнал и долго не мог начать. Потом написал:

Наблюдение 24. Людей можно брать с собой. Достаточно, чтобы держались за меня в момент, когда открываю дверь. Обратно — пока не знаю.

Последнюю фразу он хотел зачеркнуть. И не стал.

Утром, в половине восьмого, он стоял перед дверью ванной в полном снаряжении.

Налобник на лбу, ручной фонарь в кармане куртки, рюкзак за плечами. В рюкзаке, кроме всего прочего, лежали две полуторалитровые бутылки воды, пачка печенья, бутерброды в фольге и бинт. В правой руке — газовый баллончик, купленный когда-то после первого года в журналистике и ни разу не пущенный в ход. Срок годности истёк в позапрошлом году. Денис надеялся, что парень на этикетку смотреть не будет.

Он представлял, как это будет. Он откроет дверь, а парень, злой, замёрзший и голодный, бросится на него прямо с порога. Нож он наверняка нашёл, а если нет — в зале найдётся, чем ударить. Денис скажет: «Спокойно, я тебя выведу, только не дёргайся». А парень… Дальше представлять не получалось.

Он глубоко вдохнул и открыл дверь.

Зал был пуст.

Денис стоял на пороге с баллончиком наготове и медленно водил головой, и луч налобника скользил по камню, по аркам, по столбам утреннего цветного света. Никого. Тишина такая же плотная, как всегда. За спиной — его дверь с белым крестом.

— Эй! — позвал он, и голос ушёл под своды и вернулся оттуда шёпотом. — Ты здесь? Я ничего не сделаю! Слышишь? Я пришёл тебя вывести!

Эхо. И больше ничего.

Он обошёл зал по кругу. У стены, в полумраке между двумя арками, лежал нож — тот самый, складной, вокзальный, с пластиковой ручкой под дерево. Парень его не нашёл или не стал искать.

На пыльном полу были следы.

Денис присел и посветил. Следы кроссовок, не его — с рифлёной подошвой и стёртым правым каблуком. Сначала они бестолково кружили по залу: туда, сюда, к одной двери, к другой. Подошли к двери с крестом и потоптались — пыль у порога была сметена полукругом. Парень открывал её. Но за ней для него, видимо, было то же, что за любой здешней дверью: ещё одна комната, ещё один коридор.

Потом следы выпрямлялись. Уверенно, решительно они пересекали зал и уходили в арку, из которой вниз вела широкая каменная лестница.

Денис подошёл и посветил вниз.

Ступени уходили в темноту, стёртые посередине, будто по ним веками ходили люди. Луч доставал метров на двадцать, потом лестница поворачивала, и дальше была чернота. Следы спускались туда.

— Эй! — крикнул Денис. — Слышишь меня?!

Только эхо — и ещё, на самой границе слуха, что-то похожее на далёкий гул. Или это кровь шумела в ушах.

Он спустился на один пролёт, потом на второй. Наклеил на стену у поворота полоску светоотражающей ленты, как учили в поиске, чтобы найти дорогу назад. Следы шли дальше, а

потом лестница вывела на небольшую площадку, от которой расходились три коридора, и пол здесь был не пыльным, а гладким, будто его недавно вымели. Следы кончились.

Денис стоял на этой площадке, светил по очереди в три чёрных проёма и чувствовал, как страх, поначалу маленький, сворачивается внутри в тугой холодный клубок. Здесь было ниже и глубже. Воздух стал другим — сырым, стоячим, с отчётливым металлическим привкусом, как в подвалах старых домов. И тишина здесь была не пустой, а выжидающей.

«Ну и куда ты пойдёшь? — спросил он себя. — В какой из трёх? И сколько ещё будет таких площадок? Заблудишься через полчаса, и тогда потерявшихся здесь станет двое».

Он знал первое правило, которое вбивают каждому новичку: поисковик не должен становиться пропавшим. Никогда и ни ради кого.

Денис постоял ещё минуту, крикнул ещё раз — и медленно, оглядываясь, поднялся обратно в зал.

У своей двери он снял рюкзак и выложил на каменный пол всё, что принёс: воду, печенье, бутерброды, бинт. Подумал — и достал из бокового кармана запасной налобный фонарь, проверил, положил рядом. Вырвал из журнала лист и написал крупно, печатными буквами:

Я НЕ ХОТЕЛ ТЕБЯ БРОСАТЬ. ЕСЛИ НАЙДЁШЬ ЭТО МЕСТО — ЖДИ ЗДЕСЬ, У ДВЕРИ С КРЕСТОМ. Я БУДУ ПРИХОДИТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. ДЕНИС.

Прижал листок бутылкой. Посмотрел на всё это — на воду, печенье, фонарь, нелепую записку — и почувствовал себя одновременно идиотом и человеком, который сделал хоть что-то.

«Даже если он жив, — подумал Денис, открывая дверь домой, — без воды он там долго не протянет».

Он не знал, верит ли, что парень ещё жив. Знал только, что будет приходить каждый день.

Витёк Шмаков, двадцати шести лет, бывший курьер, был уверен, что его разыгрывают.

А как ещё? Только что была арка, мокрый асфальт и мужик в пальто, который должен был отдать телефон. А потом — бац, и Витёк лежит на каменном полу в каком-то соборе, над ним цветные окна, а мужика нет. Был — и нету. Хлопнула дверь, и всё.

Витёк полежал, подумал. Потом сел.

Первая мысль была: шарахнули по башке. Он ощупал затылок — шишки нет. Вторая: подсыпали чего-то. Похоже на правду, потому что в последнее время Витёк и сам не всегда понимал, где кончается то, что подсыпали, и начинается его жизнь. Но сегодня вроде ничего не было. Сегодня он был трезвый, злой и должен Рустаму шестьдесят тысяч до понедельника, потому что проигрался в онлайн-казино. Отсюда и арка, и нож.

Третья мысль показалась самой правдоподобной. Пранк.

Сейчас такое снимают, Витёк сам смотрел: людям устраивают то зомби, то пришельцев, то поддельную полицию, а потом выскакивают, хохочут, и оказывается, что это для канала на миллион подписчиков. Наверняка мужик в пальто был подставной. Наверняка тут где-то камеры. Наверняка сейчас они сидят и ржут.

— Ну хорош, — сказал Витёк вслух, вставая. — Слышите? Хорош, говорю. Смешно, я понял.

Собор ответил ему тихим шорохом эха. И всё.

Витёк походил по залу. Открыл одну дверь — за ней была маленькая пустая комната с узким окном, а в окне серое ничего. Открыл дверь с белым крестиком, за которой, как ему казалось, исчез мужик, — за ней был узкий коридор и опять двери. Камер он не нашёл, хотя искал старательно, заглядывал во все углы. Телефон показывал «Нет сети», и это окончательно убедило Витька: глушилка. У них всё продумано.

— Ладно, — сказал он громко. — Ладно, я сам выйду. Найду выход и выйду, а вы мне потом за моральный ущерб…

Выход, рассудил Витёк, должен быть внизу. Это же логично: в любом доме выход на первом этаже. А лестницы тут были всякие, одни вверх, другие вниз, и он, недолго думая, выбрал самую широкую, ведущую вниз, и пошёл, подсвечивая себе телефоном.

Лестница была длинной. Очень. Витёк спустился на три пролёта, на четыре, потом сбился со счёта. Пару раз сворачивал в какие-то коридоры и возвращался. Чем ниже, тем становилось холоднее. Пахло сыростью и ещё чем-то, железом, что ли. Стены здесь были сложены из огромных грубых тёсаных камней, совсем не таких гладких, как наверху.

На одной из площадок пол был выложен плитами. Витёк шагнул на ближайшую — и плита ушла из-под ноги на сантиметр, с тихим щелчком, как кнопка.

Он и сам не понял, почему отшатнулся. Тело сделало это само — то самое тело, которое за двадцать шесть лет научилось уворачиваться от отчимовой руки и ментовских дубинок. Витёк дёрнулся назад, к стене, — и туда, где только что была его голова, из противоположной стены с сухим коротким звуком выстрелили колья.

Пять штук. Ржавые, длинные, толщиной в палец. Они вылетели из узких отверстий в кладке и замерли поперёк прохода, и крайний распорол Витьку капюшон и куртку на плече. Ткань повисла лохмотьями.

Витёк стоял, вжавшись спиной в камень, и смотрел то на колья, то на свою куртку, то снова на колья.

Они медленно, с тихим скрежетом, втянулись обратно в стену.

— Это… — сказал Витёк, и голос сел. — Это не пранк.

Никто не снимает пранки, в которых тебя могут убить. Ну, может, кто-то и снимает, но не на таком бюджете. Колья были настоящими. Стена была настоящей. Холод, от которого начали стучать зубы, тоже.

И впервые с той секунды, как он очнулся на каменном полу, Витьку стало по-настоящему страшно. Страх был липкий и мелкий, он забирался под куртку, в рукава, сворачивался в животе. Витёк стоял, слушал, как колотится сердце, и думал о том, что мамка, наверное, даже не узнает, куда он делся. Подумает — опять загулял.

Следующие несколько часов — а может, и не часов, Витёк быстро перестал понимать, сколько прошло, — он бродил по подземельям и учился выживать.

Научился быстро. Жизнь вообще учила его быстро, только обычно не тому.

Первое, что он понял: ходить надо медленно. Второе: прежде чем куда-то наступить, туда надо что-то бросить. В одной из комнат он нашёл кучу битой черепицы, набил карманы осколками и теперь швырял их перед собой, как мужики в старом фильме, которые ходили по запретной зоне и кидали гайки. Гаек у Витька не было, но черепица тоже работала. Один осколок упал на плиту — и в полу распахнулась яма, глубокая, с чем-то острым на дне. Другой задел тонкую, почти невидимую проволоку на уровне колена — и сверху с грохотом рухнула решётка. Витёк постоял, подышал, потом подсунул под решётку обломок камня, чтобы она не опустилась до конца, и прополз под ней на животе.

Когда он вылез с той стороны, его колотило. Но где-то глубоко, под страхом, начинало шевелиться что-то незнакомое, похожее на гордость.

В одной из комнат нашлась одежда. Не одежда даже — толстая стёганая куртка, тяжёлая, с вшитыми металлическими пластинами, как у рыцарей в кино, только поскромнее. Она висела на деревянной распялке у стены, пыльная, пахнущая мышами и старой кожей. Витёк снял свою рваную пуховку, натянул эту штуку и сразу почувствовал себя спокойнее. Тяжело, неудобно, зато колья, если что, пусть попробуют.

В другой комнате на стене крест-накрест висели два меча. Один был совсем ржавый и рассыпался в руках. Второй — нет. Витёк долго дёргал его, упираясь ногой в стену, пока крепление не сдалось с жалобным скрипом. Меч был длинный, тяжёлый, с простой крестовиной

и тусклым лезвием. Как с ним обращаться, Витёк понятия не имел. Но держать его в руках было лучше, чем не держать.

А в очередной комнате, крошечной, похожей на чулан, на полке стоял шар.

Шар был размером с кулак и светился — не ярко, а мягко и ровно, бледно-зелёным, как светятся в темноте наклейки-звёздочки на детском потолке. Витёк долго смотрел на него с порога, ожидая подвоха. Бросил черепицу на пол перед полкой — ничего. Ещё одну — ничего. Тогда он подошёл и, зажмурившись, взял шар в руку.

Шар был тёплым, как живой. А когда Витёк поднял его над головой, свет стал ярче — ровно настолько, чтобы осветить всю комнату, от пола до потолка.

Телефон к тому времени показывал девять процентов. Витёк выключил его совсем и сунул во внутренний карман стёганки. Шар он держал в левой руке, меч в правой.

«Видели бы меня пацаны», — подумал он и впервые за всё это время засмеялся — хрипло, нервно, но засмеялся.

Дальше было проще. Не легче — проще. Витёк шёл по коридорам, светил шаром, бросал черепицу и смотрел под ноги. Очень часто находил то, чего следовало бояться: проволоку, плиту, подозрительно ровный участок пола, узкие щели в стенах. Обходил, подпирал, перепрыгивал. Один раз мечом перерубил натянутую верёвку и долго сидел на корточках, слушая, как где-то в стене с тихим звоном уходит в никуда то, что должно было его убить.

В какой-то момент он поймал себя на том, что говорит вслух — сам с собой, с коридорами, со стенами. Ворчливо, по-хозяйски, как прораб на чужой стройке.

— Ну кто так строит? Ну вот кто, а? Тут плита, тут дыра, там проволока. Руки бы оторвать такому архитектору. Это ж не дом, это полоса препятствий какая-то. Граждане! Где у вас тут выход?! Есть кто живой?!

Коридоры молчали.

А потом, когда в горле совсем пересохло, язык стал шершавым, как наждак, а в голове поселилась тихая и очень страшная мысль о том, что воды здесь нет и не будет, Витёк остановился посреди коридора и замер.

Откуда-то спереди, из темноты, доносился звук — тихий, ровный, плещущий.

Журчание воды.

Витёк поднял шар повыше, перехватил поудобнее меч, нащупал в кармане последний осколок черепицы — и, бросив его перед собой, пошёл на звук.

Глава 8. Знаки

Воскресенье прошло в двух мирах сразу.

В одном Денис ходил в «Пятёрочку», стирал испорченное пальто, отвечал Серёге на вопрос, придёт ли он во вторник на разбор поиска, и даже открыл ноутбук, чтобы дописать текст про мошенников. В другом он трижды за день открывал дверь ванной, думая о зале, и трижды находил у двери с крестом всё ровно так, как оставил: две бутылки воды, печенье, бутерброды, фонарь и записку, придавленную бутылкой.

Никто ничего не тронул.

Вечером, в третий раз, он постоял над этой маленькой горкой вещей подольше. Бутерброды в фольге уже, наверное, начали портиться. Денис подумал, что надо принести новые, и тут же — что это бессмысленно, что парень не вернётся, что тот, может быть, уже лежит где-нибудь внизу, на одной из тех выметенных площадок, и никогда не узнает, что его ждали. От этой мысли стало так тоскливо, что Денис постоял у лестницы вниз и покричал ещё раз — уже без всякой надежды, просто чтобы не уходить молча.

Лестница не ответила.

Дома он сел на кухне и открыл журнал на странице с наблюдением 21. «Кто он?» Теперь там можно было написать ответ: Савва Ильич, мастер ключей, переход у «Петроградской», есть дочь. И приписать ниже, мелко и честно: «Я обещал себе позвонить через день. Прошло два».

Он смотрел на эти строчки и думал про дочь. Про то, что она, наверное, уже обзвонила больницы, а может, ещё и не начинала — если они с отцом виделись редко. Сидит где-то, пишет ему письма, на которые он не отвечает, потому что у него нет телефона. Злится. Обижается. Не знает.

Денис слишком хорошо знал, как выглядят такие люди, когда наконец узнают. Он видел их лица в коридорах моргов, когда ездил на опознания вместе с родственниками. Лица людей, которые неделями злились на того, кого уже не было в живых.

Он взял телефон и набрал номер с визитки.

Ремизова ответила после третьего гудка, будто ждала.

— Слушаю.

— Это Ковалёв. Свидетель с Пушкарской.

Пауза. Он слышал, как на том конце что-то шуршит — бумага, кажется. Блокнот на пружине.

— Слушаю вас, Денис Андреевич.

— Я видел ориентировку, — сказал он. — На неустановленного. Я… у нас в отряде есть направление — сверять неустановленных с пропавшими. Привычка. Я посмотрел по районным пабликам. По рукам, по надфилям. Мне кажется, это мастер ключей из перехода у «Петроградской». Киоск в конце, у выхода на Большой. Его зовут Савва Ильич. Фамилии я не нашёл. Соседка по киоску говорит, у него есть взрослая дочь.

На том конце было тихо. Он слышал только, как скрипит ручка по бумаге.

— Савва Ильич, — повторила Ремизова. — Киоск у «Петроградской». Хорошо. Проверим.

Он ждал вопроса: «Почему вы не позвонили сразу?» Или: «Как вам пришло в голову?» Он даже приготовил ответ.

— Спасибо, — сказала Ремизова. — Это хорошая работа.

— Не за что.

— Денис Андреевич.

— Да?

— Ориентировку выложили в пятницу утром, — сказала она ровно, без нажима. — А сегодня воскресенье.

Он молчал. Сердце стучало где-то в горле.

— Я не в претензии, — продолжила Ремизова, — вы не обязаны, до свидания.

И отключилась.

Денис долго сидел с телефоном в руке. Ему было стыдно и одновременно легко — так бывает, когда наконец признаёшься в том, что давно грызло. Он не сделал ничего плохого. Просто сделал хорошее не вовремя. Но Ремизова это заметила — и дала понять, что заметила.

В понедельник утром он снова пошёл в переход у «Петроградской».

Сам не знал зачем. На работу можно было пройти другой дорогой, и всё, что можно было узнать у Гали из соседнего киоска, он уже узнал. Но ноги несли его туда, и Денис не стал с ними спорить. Наверное, хотелось убедиться, что киоск по-прежнему стоит на месте. Что записка «Закрыто по болезни» всё ещё висит. Что старик был, а не привиделся.

В переходе было людно. Галя торговала чехлами, разговаривая по телефону, и не заметила его. Зелёная ставня Саввы Ильича была опущена, записка на месте.

А в правом нижнем углу ставни, почти у самого пола, был нарисован ключ.

Денис заметил его, только когда присел, делая вид, что завязывает шнурок. Рисунок был маленький, с ладонь, сделанный белой краской, тонкой кисточкой — аккуратно, тщательно, совсем не так, как рисуют граффити. Обычный схематичный ключ

И через весь ключ, наискосок, от ручки к бородке, — одна прямая черта. Как зачёркивают имя в списке.

Денис почувствовал, как у него похолодели пальцы.

Он достал телефон и открыл галерею. В пятницу, уходя от киоска, он по привычке сфотографировал ставню — целиком, вместе с вывеской и запиской. Он увеличил снимок, нашёл правый нижний угол.

Пусто. Облезлая зелёная краска, ржавчина, и больше ничего.

Значит, ключ нарисовали за выходные. Кто-то пришёл сюда, в людный переход, присел у закрытой ставни и тонкой кисточкой нарисовал знак-символ с татуировки мёртвого человека. И зачеркнул её. Аккуратно, как в некрологе ставят чёрную рамку.

Кто-то знал, что Савва Ильич умер. Знал раньше полиции, раньше соседей, раньше дочери. И счёл нужным сообщить об этом. Кому?

«Смотри на знаки», — сказал старик. «Как узнать других?»

Денис сфотографировал ключ с трёх сторон. Потом встал, отряхнул колени и пошёл к выходу из перехода — медленно, глядя уже не под ноги, а на стены.

За следующие два дня он нашёл ещё девятнадцать.

Они были повсюду, если знать, что искать. На Петроградке, на Васильевском, на Литейном, куда он ездил по делам банка. Не граффити и не теги — те Денис научился отличать сразу. Граффити кричали, теги торопились. А эти рисунки были маленькими, аккуратными, тщательными, и висели всегда в одних и тех же местах: у дверей, у входов в арки, на углах домов на уровне глаз. Нарисованные краской, мелом, процарапанные на штукатурке. Одни — свежие. Другие — такие старые, что почти слились со стеной, и их было видно, только если смотреть сбоку, на просвет.

Перо — простое, гусиное, с аккуратно прорисованными бородками — на двери букинистического магазина на Литейном.

Спираль, закрученная против часовой стрелки, — на трёх разных арках Васильевского острова.

Рыба — на старом гранитном парапете у Невы, процарапанная так глубоко, будто её резали десятилетиями.

Маленькое колесо с восемью спицами — у дверей кофейни на Петроградке, у входа в пункт выдачи заказов, на столбе возле велопарковки.

Песочные часы. Свеча. Две скрещённые иглы. Раскрытая ладонь.

Каждый вечер Денис переносил фотографии в ноутбук и ставил точки на карту города. Как в поиске, когда отмечаешь, где пропавшего видели в последний раз. Через два дня на карте было двадцать точек, и по ним уже можно было разглядеть кое-что. Колёса группировались вокруг Петроградки. Спирали — на Васильевском. Перо встречалось редко, но всегда у книжных и антикварных лавок. У каждого знака был свой район — или свой хозяин. Будто кто-то метил территорию, как метят её коты, или расписывался.

Он искал в интернете — по картинкам, по ключевым словам: «знаки на стенах Петербурга», «рисунки у дверей», «символы на арках». Нашёл тонну про граффити, про масонские символы на фасадах, про метки воров и метки газовиков. Ничего похожего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.